СУРОВЦЕВ И.Г.

РЕКВИЕМ СЕДЬМОЙ ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Предисловие

Автор признаёт, что выбор названия сделан под влиянием известного романа В.Пикуля. Но это название как нельзя лучше подходит к описанию последних дней Бауманской дивизии, практически безвестно исчезнувшей где-то под Вязьмой в трагическом октябре 1941 года.

На вопрос, ГДЕ, КОГДА и КАК воевала и погибла 7-я Бауманская дивизия народного ополчения, ответ как будто бы есть:

- ГДЕ – вблизи 242 км шоссе Москва-Минск, там, где ныне установлен известный памятник;
- КОГДА – между 2 и 13 октября 1941 г.;
- КАК – сражаясь в окружении, преграждая фашистским танкам путь к Москве.

Но почти то же самое можно написать про любую из дивизий, оказавшихся окруженными в районе Вязьмы. Хотелось бы узнать конкретнее, где, как и когда сражались и гибли Бауманцы?

Вот, что сообщает сайт *www.rkka.ru* [1] о составе и судьбе 29-й стрелковой дивизии 32-й армии Резервного фронта *(июльского формирования)*:

- 02.07.1941, сформирована как 7-я Московская стрелковая дивизия народного ополчения (Бауманского района),
- 26.09.1941, переименована в 29-ю сд,
- 11.10.1941, расформирована (приказ Ставки от 27.12.1941г.),
- 09.1941, имела до 15 тысяч человек личного состава и 33 танка. Занимала оборону в районе Дорогобужа,
- 10.1941, покинула хорошо подготовленные позиции, двинувшись к фронту в район Юхнова для контрудара по прорвавшимся танковым дивизиям противника. Подверглась полному разгрому. Разрозненные остатки дивизии действовали в окружении под Вязьмой,
- 05.10.1941, вошла в состав 19-й А,
- 22-25.10.1941, часть вышедших из окружения направлена на доукомплектование 144-й сд и 1-й мсд.

Состав до сентября 1941 г.: 19-й, 20-й, 21-й стрелковые полки, 7-й запасной стрелковый полк, дивизион 45-мм противотанковых пушек, дивизион 76-мм пушек, отдельная самокатная разведывательная рота (на велосипедах), саперная рота, отдельная рота связи, медсанбат, автотранспортная рота.

Состав с 01.09.1941 (после доукомплектования): 1294-й, 1296-й, 1298-й стрелковые полки, 974-й артиллерийский полк, 698-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 473-я разведрота, 862-й отдельный батальон связи, 496-й медсанбат, 335-я отдельная рота химической защиты, 308-я автотранспортная рота.

Командир дивизии 02.07.1941 – 11.10.1941 комбриг Заикин Иван Васильевич.

Таким образом, к началу октября дивизия была укомплектована личным составом по штатам военного времени, имела артиллерию, в том числе зенитную, и даже танки. Правда, это были так называемые «плавающие танки» Т-38 с противопульной броней и пулеметом в качестве вооружения. Такие машины могли выполнять разведывательные и связные функции, но для боя с применением противотанковой артиллерии совершенно не годились. Танки Т-38 (иногда их называли танкетками) поступили в дивизии 32-й армии в сентябре и были объединены в танкетные батальоны. Справедливости ради, следует сказать, что в то время и в танковых дивизиях противника использовались десятки танков Pz-I и Pz-II, которые были не лучше.

Информация о коротком боевом пути дивизии вызывает вопросы. 29-я стрелковая дивизия не могла одновременно двигаться к Юхнову и действовать в составе 19-й армии, которая находилась от Юхнова примерно в 100 км. Однако, сохранились свидетельства, подтверждающие как ту, так и другую версию. Выходит, подразделения дивизии действовали в разных местах независимо друг от друга, но произошло это по приказу или в силу обстоятельств остается неизвестным.

Фраза о том, что дивизия подверглась полному разгрому, по-видимому, должна объяснить факт ее расформирования. Но дата расформирования непонятна. Действительно, после октябрьских боев были расформированы 5 бывших дивизий народного ополчения, как понесшие невосполнимые потери. Но 11 октября части Красной армии еще вели ожесточенные бои в окружении, о ходе которых штаб фронта имел самые приблизительные сведения. Согласно той же справке, часть бойцов 29-й сд вышла из окружения 22 и 25 октября, т.е. когда дивизия юридически уже 2 недели как не существовала. Откуда такая спешка, тем более, что другие ДНО были расформированы позже, а соответствующий приказ Ставки вышел только в декабре 1941г.?

По современным данным из Вяземского окружения прорвались и вышли к своим порядка 85 тыс. бойцов различных подразделений. Ужасно мало (~10 %), если говорить о потерях, но достаточно, чтобы было кому рассказать о боях в «котле». Правда прорвавшихся боеспособных бойцов отправляли не на отдых, а в окопы под Можайском или Малоярославцем, где тоже не много шансов было уцелеть, но живые свидетели все же остались.

Согласно [17] из бойцов Бауманской (29-й стрелковой) дивизии вышли из окружения две достаточно крупные группы общей численностью порядка 1500 человек. Меньшее число – 700 человек приводит в своей монографии Л.Н.Лопуховский [2]. Многие выходили мелкими группами и в одиночку, поэтому точное число, вероятно, никогда не будет подсчитано. Удалось выйти комиссару дивизии П.М.Лукину (отцу нынешнего уполномоченного по правам человека). Однако, сколько-нибудь связного рассказа о боях в окружении хотя бы отдельных подразделений дивизии найти пока не удалось. Сказывается существовавший в течение десятилетий негласный запрет на публикацию материалов о боях под Вязьмой, закончившихся, увы, тяжелейшим поражением Красной армии. Существуют немногочисленные описания боев с участием бауманцев, которые, как правило, не имеют привязки к конкретному месту и дате, причем стараниями литобработчиков, они нередко доведены до уровня плакатно-пропагандистского материала. Это тем более досадно, что о действиях других дивизий народного ополчения, сражавшихся рядом и тоже попавших в окружение (2-й, 5-й, 6-й, 8-й, 17-й ДНО), в последние годы появились достаточно подробные публикации. Последние частично использованы ниже, поскольку повествуют о событиях, происходивших буквально в нескольких километрах от расположения полков Бауманской дивизии. В повествовании широко использованы материалы упоминавшейся монографии Л.Н.Лопуховского, а также сайта *http://www.smol1941.narod.ru,* откуда, в частности, взяты многие карты, схемы и фотографии.

Однако попытка проследить путь дивизии от её рождения до гибели исчерпывающего ответа на поставленные выше вопросы не дала. Более того, появились новые вопросы, ответы на которые пришлось временно заменить версиями и предположениями. Поэтому исследование боевой истории Бауманской дивизии народного ополчения ни в коей мере нельзя считать завершенным.

1. От Москвы до Днепра (июль 1941 г.)

В ночь на 2 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял решение об организации народного ополчения для отпора фашистским захватчикам. В тот же день Военный Совет Московского военного округа принял постановление о добровольной мобилизации жителей Москвы и области в народное ополчение. Словосочетание «добровольная мобилизация» в наши дни выглядит странно, тем более что постановление устанавливало план мобилизации – 200 тысяч человек в Москве и 70 тысяч человек – в области. Но время было суровое. Оговаривалось, что в ополчение могут вступить лица, не подлежащие немедленному призыву. К таким относились мужчины непризывного возраста, ограниченно годные по состоянию здоровья, а также работники оборонных предприятий, получившие «броню», как тогда говорили.

Планировалось укомплектовать 25 дивизий ополченцев. Мобилизация и формирование частей проводились по территориальному признаку: каждый административный район Москвы формировал свою дивизию, которая доукомплектовывалась группами ополченцев из определённых районов Подмосковья. Предписывалось формировать дивизии за счёт мобилизации жителей в возрасте от 17 до 55 лет в срок с 3 по 5 июля в Москве и с 3 по 6 июля – в области. От мобилизации освобождались призывники, имеющие на руках мобилизационные предписания, работники наркоматов оборонной промышленности, станкостроительных заводов и тех предприятий, которые районная тройка сочтёт исполняющими оборонные заказы особой важности. 40–50 процентов комсостава придавалось новым дивизиям из кадров округа, остальные командиры назначались из ополченцев. Снабжение частей ополчения транспортом, рабочим инструментом, кухнями, обеспечение перевозки пищи и боеприпасов в радиусе 150 км от Москвы должно было осуществляться за счёт ресурсов соответствующих районов и предприятий, в них расположенных. Оружие и боеприпасы должен был обеспечить штаб МВО. За мобилизованными в ополчение сохранялось ежемесячное денежное содержание по последней занимаемой им должности, а в случае его инвалидности или смерти ополченцу или его семье гарантировалась военная пенсия.

Несомненно, что очень многие пошли в ополчение, совершенно не высчитывая плюсов и минусов этого шага, а просто повинуясь патриотическому порыву. Особенно это относится к районам, с высоким процентом учебных и научных учреждений (Бауманский, Краснопресненский), где работали и учились высокообразованные, воспитанные в духе политических норм того времени люди. С другой стороны, рабочее население Москвы и Подмосковья – в основном, малоразвитые вчерашние крестьяне, жившее очень небогато, – высоко оценило возможность пойти в ополчение на казённый кошт, сохранив при этом зарплату и обеспечив семьям кое-какие льготы. Но в любом случае в основной своей массе ополченческие дивизии состояли из людей, стремившихся защитить Родину от внешнего врага в час большой опасности.

Вначале предполагалось, что на ополченцев будет возложено строительство оборонительных рубежей, охрана военных объектов, ловля диверсантов (в предвоенных книгах и кинофильмах диверсантов ловили все, даже пионеры) и другие вспомогательные задачи недалеко от дома.

7 июля набор в ополченские дивизии прекратился. Было набрано до 140000 добровольцев. В связи с нехваткой вооружения и по ряду других обстоятельств было решено сформировать не 25, а 12 дивизий, передав в них (а также в другие воинские части) ополченцев из остальных 13 районов. Как и положено, дивизиям присвоили номера по партийному ранжиру:

1-я – Ленинского района,
2-я – Сталинского района,

4-я – Куйбышевского района,
5-я – Фрунзенского района,
6-я – Дзержинского района,
7-я – Бауманского района,
8-я – Краснопресненского района,
9-я – Кировского района,
13-я – Ростокинского района,
17-я – Москворецкого района,
18-я – Ленинградского района,
21-я – Киевского района.

На должности командиров большинства дивизий (в т.ч. Бауманской) были выдвинуты преподаватели академии им. Фрунзе. Затем, в течение трех дней прибыли назначенные штабом МВО командиры полков, начальники штабов полков, командиры батальонов и артиллерийских дивизионов, командиры рот и небольшое количество командиров взводов. Недостающий же командный состав и весь политический состав от политических руководителей рот, батарей до начальника политического отдела дивизии должны были выделить районные комитеты партии за счет кадров районов. Наркомат обороны принял обязательство в ближайшее время снабдить дивизии бельем, брюками, гимнастерками, поясами, пилотками, ватными куртками (вместо шинелей), частично ботинками и обмотками, а также оружием (примерно на половину состава). Все остальные недостающие виды снабжения (кроме оружия) должны были выделить районы.

5 июля прибыло около 400 молодых лейтенантов, досрочно произведенных в командиры из курсантов вторых курсов военных училищ. Они образовали основной состав командиров рот и батарей, а также их заместителей, недостающее количество командиров и весь политический состав были призваны из запаса. Из сказанного следует, что штатное расписание дивизий народного ополчения соответствовало боевым дивизиям, но отнюдь не строительным батальонам. В тоже время подавляющая часть бойцов военную подготовку представляла лишь теоретически. Им пришлось учиться стрелять, кидать гранаты, ползать с полной выкладкой, не бояться танков.

Бауманская ДНО была составлена из 12000 добровольцев со 100 предприятий и учреждений Бауманского района, в том числе из МВТУ им. Баумана, МИХМа, ЦАГИ и других организаций. Командиром дивизии был назначен комбриг И.В.Заикин, в прошлом уральский рабочий, участник гражданской войны, вчерашний преподаватель общей тактики в Военной академии имени М.В.Фрунзе. Командиром 19-го стрелкового полка назначен полковник Разгуляев, 20-го майор Смирнов, 21-го майор Щаденко (по другим данным Щедренко). Комиссар дивизии – тоже участник гражданской войны, член партии с 1919 года, полковой комиссар П. М. Лукин. И комиссары полков — народ испытанный, все с большим партийным стажем. В стрелковых полках это Горемыкин, Ф.А.Мороз и П.Ф.Силантьев, в артполку И.Родионов.

Начальником политотдела стал батальонный комиссар Н.Г. Охапкин, помощником комиссара дивизии по комсомольской работе секретарь Бауманского райкома ЛКСМ Н.В. Мамаев, комиссаром штаба дивизии полковой комиссар Я.В. Мукомоль.

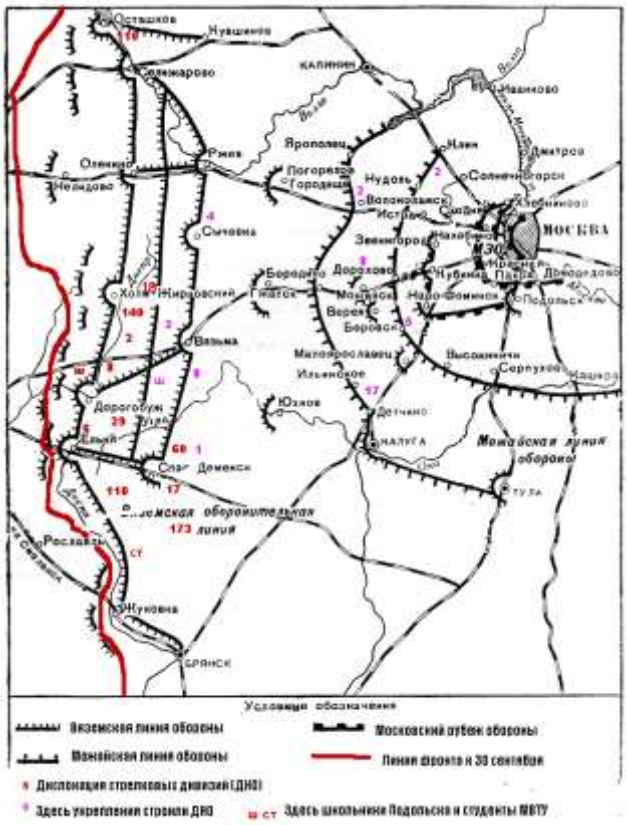
Центром формирования стало здание школы № 353 возле станции метро «Бауманская», но уже 9 июля 7-я дивизия покинула столицу и выступила на запад. Уходили ночью, очевидно, чтобы избежать драмы прощания с родственниками. Пешком к утру дошли до Химок, где состоялся довольно строгий медицинский контроль, поскольку уже первые дни показали, что многие добровольцы по возрасту и состоянию здоровья не выдерживают необходимые физические нагрузки. Затем новобранцев обмундировали, они приняли присягу, их вооружили. При окончательной численности 7614 человек (очевидно, после отсева по физической готовности) дивизия была вооружена 3963 винтовками, 201 пулеметом, 33 орудиями.

Первоначально дивизии народного ополчения выдвигаются на строительство Можайской линии обороны. За вторую половину июля 1941 года 7-я дивизия прошла путь от Химок до Волоколамска через Высоковск и Клин. На каждом месте днем и ночью ополченцы строили оборонительные сооружения, они уже хорошо научились выбрасывать из окопов и противотанковых рвов положенную норму кубометров земли, валить деревья для лесных завалов, строить блиндажи и землянки. С рук не сходили кровавые мозоли.

Дивизии отводилась полоса местности от 12 до 20 километров по фронту и 4—6 километров глубиной. В этой полосе, главным образом на дорогах, по которым могли наступать танки противника, надлежало построить противотанковые препятствия — рвы, эскарпы и лесные завалы. Кроме того, требовалось построить основные и запасные стрелковые, пулеметные и орудийные окопы, командные пункты и склады на стрелковую дивизию полного штатного состава. По существовавшим уставным нормам такая полоса кадровой стрелковой дивизией возводилась за семь суток. Дивизиям народного ополчения сроки сокращались до пяти суток. Подстегивала общая военная обстановка, продолжавшая складываться для нас неблагоприятно.

Лето 1941 г. выдалось жарким, глинистая почва превратилась в камень. Ее с большим трудом брали только лом и кирка. Чтобы уложиться в отведенные сроки, трудились днем и ночью. На сон отводилось четыре-пять часов. На боевую подготовку затрачивали ежедневно лишь один-два утренних часа. Боевую подготовку отделений, взводов и сколачивание рот приходилось проводить поочередно, выводя их в ближайший тыл и на стрельбище.

30 июля Ставка ВГК принимает решение об образовании Резервного фронта на Ржевско-Вяземской линии обороны. Новый фронт создается из резервных армий и фронта Можайской линии обороны. В новый фронт включаются: 24-я, 31-я, 32-я, 33-я, 34-я и 43-я армии. Бауманцы вместе со 2-й, 8-й, 13-й и 18-й дивизиями народного ополчения были сведены в 32-ю армию, командующим которой был назначен генерал-лейтенант Н.К. Клыков, а начальником штаба — полковник И. А. Кузовков. В 33-ю армию вошли 1-я, 5-я, 9-я и 17-я дивизии. 6-я дивизия народного ополчения, в этот момент еще не закончившая формирование, чуть позже была включена в 24-ю армию, участвовала в наступлении под Ельней и первой из ополченческих дивизий понесла боевые потери.



Таким образом, дивизии народного ополчения снимались со строительства Можайской линии обороны и переводилось на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. После ухода дивизий московского ополчения на Можайской линии обороны войск почти не осталось.

7-ю дивизию из Волоколамска железнодорожными эшелонами направили в город Вязьму. Прибыв 31 июля 1941 г. на станцию города, ополченцы увидели, как горят соседние 8 составов, прибывшие незадолго до них. Некоторые вагоны были изуродованы до неузнаваемости. Им сообщили о том, что

всего несколько часов назад место высадки сильно бомбилось немецкими самолетами, и нетронутым остался только их, 9-й состав, прибывший позже[1].

Местом выгрузки стала станция Волоста-Пятница в 25 км южнее Вязьмы. Оттуда дивизия автотранспортом была переброшена на реку Осьма юго-восточнее Дорогобужа. В самом Дорогобуже разместился штаб дивизии.

Таким был Дорогобуж до войны, но когда его увидели Бауманцы, на месте домов торчали одни трубы. 25 июля вся центральная часть этого, в основном деревянного, города была уничтожена фашистской авиацией. Правда, жертв среди мирного населения было мало, так как жители в основном были эвакуированы. Штаб дивизии разместился на юго-восточной окраине города, на Ямщине.

2. На Днепре (август, сентябрь 1941 г.)

В первых числах августа дивизии народного ополчения, включенные в состав кадровых армий, занимают оборону на Ржевско-Вяземском оборонительном рубеже.

2-я ДНО передислоцируется на р. Вязьма, где строит укрепления, прикрывающие Вязьму с северо-запада, 8-я ДНО располагается южнее и начинает осваивать рубеж обороны по линии Реброво - Восточный берег р. Осьма - Борисово - Гвозди. 7-я ДНО (на вышеприведенной схеме она показана под новым номером, как 29-я) становится левофланговой на фронте 32-й армии. Вся 32-я армия, таким образом, оказывается на главном стратегическом направлении, прикрывающим кратчайший путь противнику от Смоленска к Москве вдоль железной и шоссейной дорог.

33-я армия, также состоявшая из ополченческих дивизий, по замыслу командования должна была страховать второе по значимости шоссе на Москву – Варшавское. 1-я ДНО (на схеме – 60-я) занимает позиции севернее Спас-Деменска, 5-я ДНО (на схеме – 113-я) перемещается под Боровск, 17-я ДНО выходит на рубеж южнее Спас-Деменска, 21-я ДНО (173-я) прикрывает г. Киров. 18-я ДНО первоначально размещается юго-западнее Вязьмы, а 4-я ДНО строит укрепления в районе Новодугино - Сычевка - Андреевская.

В начале августа командующий Резервным Фронтом генерал армии Г.К. Жуков, познакомившись с состоянием дивизий народного ополчения, обратился в ГКО со специальной докладной запиской, в которой указал, что "32-я и 33-я армии, состоящие из 10 дивизий народного ополчения, имеют очень много недостатков и, если не будут приняты немедленные меры, имеющиеся недостатки могут привести к тяжелым последствиям. В дивизиях имеется много совершенно необученных и не умеющих даже владеть винтовкой бойцов. Дивизии недовооружены, а имеющееся вооружение – разных систем. В части засылаются боеприпасы других калибров..."

В ответ 24 августа директивой НКО дивизии народного ополчения переформируются по штатам сокращённой стрелковой дивизии военного времени. Происходит доукомплектование дивизий обученными, крепкими призывниками с территории МВО.

Для дивизий народного ополчения по штату, было положено: рядовых – 9160, а с командным составом всего – 11633 человек. Ниже приводится выборочная таблица из от-

[1] Это была историческая бомбардировка Вязьмы 31.7.41 г., о которой еще будет сказано ниже.

чета для ГКО, подписанного: Зам. Народного комиссара обороны СССР, армейским комиссаром 1 ранга Щаденко, командующим войсками МВО генерал-лейтенантом Артемьевым, начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-полковником артиллерии Яковлевым, отражающая состояние дивизий на 3-е сентября.[3]:

	имелось рядовых	число призывников из МВО на пополнение		имелось рядовых	число призывников из МВО на пополнение
1 ДНО	5141	4379	**7 ДНО**	**6381**	**3141**
2 ДНО	6313	2976	8 ДНО	6583	2976
4 ДНО	4474	5074	9 ДНО	5395	4054
5 ДНО	5685	3490	13 ДНО	5104	4055
6 ДНО	5732	3679			

Как видно из таблицы, если учитывать и командный состав, дивизии на 3-е сентября уже только наполовину состояли из ополченцев. Больше всего ополченцев осталось в 8-й ДНО, где значительную часть составляли студенты и преподаватели МГУ. Близкое соотношение сложилось и в Бауманской дивизии, которая осталась на две трети добровольческой.

Учитывая острую нехватку младшего комсостава, в некоторых дивизиях была организована их ускоренная подготовка. Этому способствовал высокий образовательный уровень ополченцев. При 7-й ДНО в Дорогобуже начала действовать школа лейтенантов, во 2-й ДНО организовали школу сержантов численностью 800 человек из солдат молодых возрастов, к тому же имевших ранее боевую подготовку.

Дивизии продолжали получать штатное вооружение, включая артиллерию, однако, полностью их оснастить так и не удалось. Не хватало главного – средств противотанковой борьбы и противовоздушной обороны. На шесть дивизий имелось всего 2 зенитных пулемета вместо положенных 102-х, и 7 крупнокалиберных пулеметов вместо 51-го. Таким образом, несмотря на значительное улучшение вооруженности ополченцев, по некоторым важным видам стрелкового вооружения уровень вооруженности значительно отставал от требуемого.

Из воспоминаний командира 2-й ДНО генерала В.Р.Вашкевича [4]:

> Стрелковым отделениям выдали по две винтовки СВТ и ручные пулеметы. В каждую пулеметную роту поступило по 12 станковых пулеметов, в минометную роту — по шести минометов. Полковые батареи получили по четыре 76-миллиметровые пушки образца 1927 г. Артиллерийский полк расстался со своими старыми пушками, получив взамен 24 отечественных 76-миллиметровых орудия, восемь гаубиц и четыре мортиры. Пополнился и автотранспорт дивизии. Транспортная проблема была в основном разрешена, но тягачи для орудий по-прежнему отсутствовали. Только в конце сентября, уже на Днепре, в дивизию поступили артиллерийские лошади. Артиллерийской же амуниции получить так и не удалось.

С лошадьми возникли свои трудности. Один из бойцов артиллерийской части 1-й ДНО, дислоцировавшейся северо-западнее Спас-Деменска, впоследствии вспоминал, что туда в сентябре на смену автомобилям также были присланы лошади. Объяснили, что в связи с приближающейся осенней распутицей автомобили станут бесполезны. Но среди городских жителей с лошадьми никто не умел обращаться. Выручили селяне, призванные из подмосковных деревень. Впрочем, в конце сентября лошадей куда-то отправили (уж не во 2-ю ли дивизию?) и вернули автомобили [5].

Непосредственно в серьёзных боевых действиях части ополчения пока не участвовали, хотя постоянно находились в зоне бомбёжек неприятельской авиации. На передовой находились дивизии «второй волны», объединенные в Западный, Центральный и Брянский фронты. Известно, что период с середины июля по конец сентября 1941 года немецкие войска группы армий «Центр» провели в основном в обороне. Главные усилия немцы сосредоточили на Украине, куда, в частности, ушла 2-я танковая армия Гудериана. В этих

Снимок фотографа «огонька Михаила Савина. 1941 г. Западный фронт.

условиях Верховное Главнокомандование Красной армии попыталось перехватить стратегическую инициативу на Западном фронте и организовать широкомасштабное наступление с целью вернуть Смоленск. По ходу операции в состав советских войск дополнительно были введены три фронтовых управления, девять управлений армий, 59 дивизий и две бригады. Помимо этого к началу битвы на Западном фронте имелось 66 дивизий и две бригады (из них 17 танковых и моторизованных). Много дней они безуспешно пытались прорвать оборону врага, однако все атаки были отбиты.

Если говорить о достигнутых Красной армией в ходе Смоленского сражения результатах, то в целом они достаточно скромны. По существу, Смоленская стратегическая оборонительная операция представляет собой цепь чувствительных неудач и мелких тактических успехов всего лишь с одной светлой страничкой – ликвидацией в начале сентября 24-й армией Резервного фронта Ельнинского выступа.

Советское руководство еще не готово было признать, что на данный момент немецкие войска сильнее Красной армии, как в техническом оснащении, так и в степени обученности рядового и командного состава. Войскам ставилась задача – контратаковать всегда, контратаковать везде, контратаковать при любых обстоятельствах. Зачастую эти атаки предпринимались без артиллерийской подготовки, нередко полки вступали в бой с ограниченным количеством боеприпасов. Цена Смоленского сражения для РККА была очень дорогой – безвозвратные потери составили 486 171 человек, а санитарные – 273803 человека. В ходе боев было утрачено около 2 тыс. танков, более 14 тыс. орудий, около 2300 боевых самолетов. Это привело к тому, что, несмотря на постоянное пополнение маршевыми батальонами, дивизии первой линии к началу октябрьского немецкого наступления оказались совершенно обескровленными. Да и моральный дух красноармейцев был существенно подорван цепью непрерывных неудач, сопровождаемых большими потерями.

Контрнаступление под Ельней потребовало дополнительной мобилизации резервов Западного фронта. В августе – начале сентября дивизии правого фланга 24-й армии были переброшены под Ельню. Их место заняли дивизии 32-й армии Резервного фронта. С днепровского рубежа (т.е. со второй линии обороны) ушла под Ельню 133-я стрелковая Сибирская дивизия. Её сменила 2-я ДНО. Одновременно на днепровский рубеж выдвинулись 13-я и 8-я ДНО. Последняя заняла позиции от Перстенков и Карачарова до Благовещенья и Болдина по фронту, в глубину до Какушкино. С учетом, что Бауманская дивизия находилась здесь ещё с 1-го августа, все дивизии 32-й армии образовали второй эшелон Западного фронта, сохраняя при этом подчиненность штабу Резервного фронта. Ополченцы достраивали ранее возведенные здесь укрепления и занимались боевой учебой.

8 сентября директивой Ставки с запасного рубежа по реке Ужа (в нескольких километрах западнее Дорогобужа) была снята 107-я стрелковая дивизия. Рубеж был передан Бауманцам. Штаб дивизии по-прежнему оставался в Дорогобуже, один из полков (очевидно, 19-й) сместился на юг, в район села Озерище, саперный батальон разместился в Федоровке, юго-западнее города. Таким образом, 7-я дивизия оказалась ответственной за оборону Дорогобужа. В сентябре 1941 года непосредственное участие в боевых действиях принимали бойцы разведроты 7-й дивизии, добывая ценные сведения о противостоящем противнике.

12 сентября в командование Резервным фронтом вступил маршал С.М. Буденный, только что освобожденный, с понижением, от командования Юго-западным направлением. 14-го сентября он доложил в Генеральный штаб о состоянии 24-й и 43-й армий, в которых катастрофически не хватало бойцов. Командование было вынуждено поочередно выводить на переформирование дивизии первой линии, заменяя их ополченческими подразделениями. 26-го августа один из стрелковых полков 1-й ДНО Ленинского района, а именно – 1283-й, был направлен в 24-ю армию на реку Десна, на смену частей 100-й стрелковой дивизии, выведенной после Ельненской битвы в резерв. Остальные части 1-й ДНО остались во втором эшелоне под Спас-Деменском в составе 33-й армии. Позднее из Бауманской дивизии в район Ельни был направлен 3-й батальон 19-го полка. Таким образом, некоторые ополченческие дивизии растаскивали по частям, разрушая установившуюся структуру.

Однако до начала немецкого наступления восполнить недостаток численности не удалось. В районе Варшавского шоссе, на направлении предстоящего главного удара немцев (о чем наше командование ещё не догадывалось) в конце сентября оборона 43-й армии Резервного фронта выглядела так: 211 сд занимала фронт 16 км при численности 9653 человека, 53 сд – фронт 24 км при численности 11953 чел.

На митинге, посвященном вручению дивизии народного ополчения Бауманского района Красного знамени МГК ВКП(б) и Моссовета. Выступает командир дивизии комбриг И. В. Заикин (второй справа). Сентябрь 1941 г.

В двадцатых числах сентября 1941 года в 7-й Бауманской дивизии побывал Самуил Яковлевич Маршак. Приезд посторонних людей в расположение действующей боевой части был тогда категорически запрещен – это была сплошная нелегальщина. В дивизию Маршак был приглашен комиссаром П.М.Лукиным, который ненадолго уезжал в Москву. Кстати, за этот визит комиссару позже здорово попало от начальника Политуправления Красной Армии А.С. Щербакова. Но комиссар, пригласивший Маршака и неотступно сопровождавший его, вспоминает, что он все время руководствовался мыслью: «А вдруг побывает у нас Маршак и напишет стихотворение?» И Маршак не обманул ожидания, написал два стихотворения.

Приехал Маршак к нам из Москвы на машине начальника Политотдела дивизии. С дороги остановились в штабе. Маршака представили командованию. Нашли помещение для ночевки, организовали обед. За обедом завязалась беседа о положении на фронте. Маршаку рассказали обстановку. После обеда Маршак сказал:

- Спасибо, что все рассказали. Хотелось бы побывать в районе боя. Я уже акклиматизировался. Имеете ли вы возможность показать мне участок фронта? Меня, как магнитом, притягивает один пункт – хотелось бы руками пощупать, что делается под Ельней.

Это было не наше направление. Но один наш батальон (3-й батальон 19-го полка, которым командовал старший лейтенант Савченко) участвовал в боях под Ельней. Начальник разведотдела штаба дивизии Дегтярев стал возражать.

- Мы, - говорил он Маршаку, - там с вами подвергнемся большому риску. Нам-то это по штату положено. А если с Маршаком что случится?

Маршак это услыхал и опять обратился к комиссару:

- Я вас очень прошу, товарищ Лукин, предоставить мне такую возможность. Буду во всем подчиняться.

В Дорогобуже была тогда относительно мирная территория. А под Ельней был очень горячий участок - то мы немцев потесним, то они нас. Немцы там закопали в землю танки, превратили их в доты.
Мы гордились приездом Маршака. И комиссар сказал:
- А вдруг побывает там Маршак да напишет стихотворение?
Нужно было тут же решать. И комиссар принял на себя ответственность. Отвел Маршака на КП, попросил подождать, пока все подготовят. Взяли двух человек из разведчасти и пошли, приказав никому об этом не говорить. Путь был порядочный - надо было выбраться на левый фланг, левее Дорогобужа. Весь наш фронт по линии обороны занимал километра три-четыре. Сразу за КП начиналась зона артиллерийского обстрела, потом - ближнего боя, всех видов огня, в том числе минометного. Двигались мы ночью и попали в обстановку ночного оборонительного боя с обеих сторон. Все время шла обработка переднего края противника. Действовали все виды боевого освещения: трассирующие пули, САБы, вспышки от неприцельного минометного обстрела.
Начали попадаться трупы немцев, подбитая техника, перевернутые повозки. Поблизости возились похоронные команды. В общем, тут Самуил Яковлевич столкнулся с настоящими условиями боя.
Комиссар спросил Маршака:
- Может, хватит, товарищ Маршак?
- А что, - отвечает он, - нам еще далеко?
- Да километра полтора еще будет.
- Давайте, товарищ Лукин, пройдем.
Начал работать немецкий шестиствольный миномет. Пришлось залечь. Немного мы там полежали - минут двадцать. Один товарищ из разведотдела прошел вперед.
У Самуила Яковлевича был с собой яркий фонарик. Он то и дело его зажигал и что-то записывал. Продвинулись еще. Тут уж мы сами не стеснялись пригибаться и он тоже.
Разведчик то и дело командовал:
- Ложись!
Самуил Яковлевич сразу ложился, только не по-военному, бочком. Ну, мы от него не требовали, чтобы он это выполнял, как положено, - считали, пусть делает, как ему удобнее.
Мимо нас перебегали санитары с носилками, много вокруг было трупов - наших и немецких. Маршак все старался приподняться, оглядеться вокруг. Сопровождавший нас товарищ из разведотдела сказал категорически:
- Дальше, товарищ комиссар, ни вам, ни ему двигаться нельзя.
До самого переднего края оставалось чуть больше километра. Начали выходить из зоны огня. Когда вышли, комиссар почувствовал большое облегчение - ведь вся ответственность за Маршака лежала на нем.
При выходе из опасной зоны остановились. У комиссара была с собой баклажечка. Налил наперсточек, предложил Маршаку. А он говорит:
- Ну что ж, давайте.
Когда вернулись на КП, Самуил Яковлевич искренне поблагодарил комиссара.
В следующие дни начальник Политотдела возил Самуила Яковлевича по подразделениям. Маршак выступал перед бойцами с чтением стихов.

Объездили все полки - начальник Политотдела все время неотступно находился с Маршаком. В каждом подразделении - батальоне, роте, где только предоставлялась возможность, - Самуил Яковлевич выступал со стихами. Читал он и свои переводы, и детские стихи, и боевую сатиру, в том числе и сочиненную экспромтом, тут же, среди нас. Приходилось ему выступать в полуразрушенных сараях, скотных дворах, на лесных полянах - при разнообразной обстановке и в различных ситуациях. Он быстро находил общий язык в любой аудитории. Его всюду одинаково встречали - с искренним уважением, теплотой и благодарностью: и офицеры штаба дивизии, и бойцы различных подразделений.[6]

Неизвестно, где именно воевал указанный батальон Бауманской дивизии. Скорее всего, это было на самом правом фланге Резервного фронта, севернее Ельни, где держала фронт 309 сд и где в эти дни с переменным успехом велись бои местного значения. Известно, что Маршак пробыл в дивизии 4 дня и за это время посетил Ельню. Поэтому, скорее всего, его «экскурсия» на фронт имела место по дороге в этот разрушенный боями город. До начала немецкого наступления оставалась неделя.

По возвращении в Москву Маршак по следам своей поездки на фронт написал два стихотворения. В одном из них, «Боевое прощание», он описал похороны комбата и военкома «на краю деревни Озерище, на земле Смоленской». Деревня с таким названием и поныне существует южнее Дорогобужа, у дороги на Ельню.

Трофейная разведывательная бронемашина (испанского производства) [3]

В конце сентября дивизии ополчения были официально включены в состав кадровых войск Красной Армии и получили новые наименования: 1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 7-я, 8-я, 9-я, 13-я, 17-я, 18-я, 21-я дивизии народного ополчения стали, соответственно стрелковыми дивизиями: 60-й, 2-й, 110-й, 113-й, 29-й, 8-й, 139-й, 140-й, 17-й, 18-й, 173-й. Этим актом закончилось существование отдельных ополченских формирований, хотя фактически это произошло гораздо раньше. Советское командование окончательно отказалось использовать их в качестве вспомогательных частей. Качество новоиспечённых дивизий оставляло желать лучшего, но выбирать командованию было уже не из чего: в бой шло всё, что оказывалось под рукой.

С другой стороны, перед началом немецкого наступления бывшие дивизии народного ополчения занимали заранее подготовленные оборонительные позиции, были доукомплектованы личным составом из числа призывников, перевооружены и довооружены в меру возможностей того времени. Так что иногда встречающееся утверждение, будто ополченцы шли против танков чуть ли не с палками не соответствует действительности. Регулярные дивизии второй волны, набранные из мобилизованных полуграмотных колхозников, были вооружены не лучше и тоже плохо были обучены военному делу. А моральный дух в этих дивизиях нередко был несравненно хуже, чем у ополченцев. Последние вполне отдавали себе отчет, что защищают от захватчиков не просто свою страну, но свои дома и свои семьи.

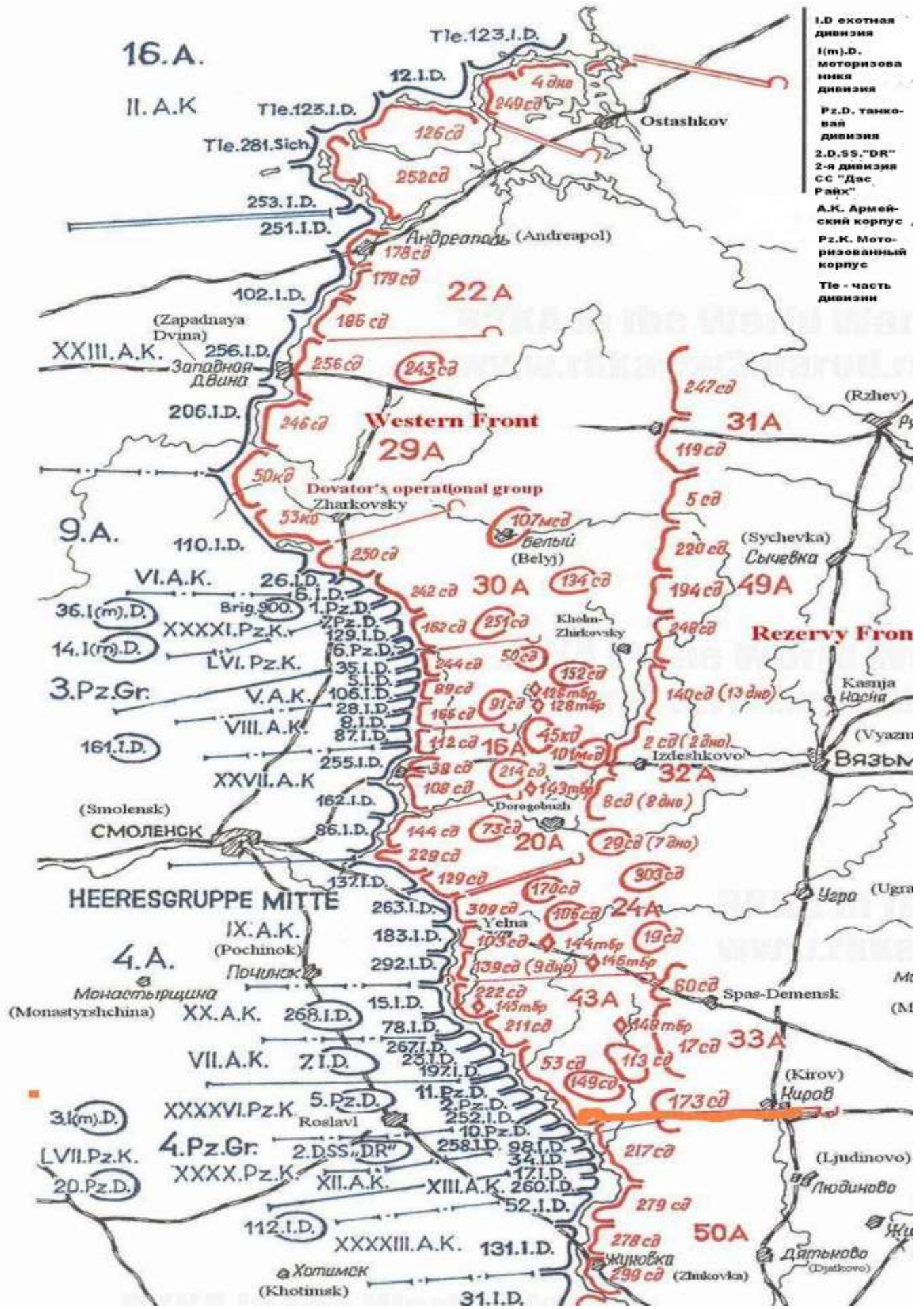
Несколько слов по поводу изменения нумерации. В Красной Армии было принято присваивать вновь сформированным армиям, дивизиям и полкам номера расформированных (как правило, полностью уничтоженных противником) соединений. Некоторым ополченческим дивизиям сохранили номера, которые в регулярной армии к этому моменту оказались свободными. Бауманцы унаследовали номер 29-ой дивизии, погибшей в окружении в Западной Белоруссии. Впоследствии после Вяземского разгрома новая 32-я армия возродилась на Карельском фронте, а новая 29-я дивизия воевала под Сталинградом. Когда она в 1943 г. стала гвардейской, освободившийся номер в очередной раз был присвоен вновь сформированной дивизии. Меняя нумерацию дивизий Резервного фронта, не догадались переименовать сам фронт, едва ли не половина дивизий которого находилась уже не в резерве, а на первой линии обороны.

3. Перед сражением

К концу сентября система оборонительных рубежей перед Москвой включала Вяземскую и Можайскую линии обороны, а так же Московскую зону обороны. Вяземская линия проходила в 250-300 км западнее Москвы по рубежу Осташков - Селижарово - Оленино - Дорогобуж - Ельня - Жуковка - Брянск. Она включала в себя предполье глубиной 30-50 км и три оборонительные полосы с отсечными позициями между ними

Основу Можайской линии составляли четыре укрепленных района: Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий и Калужский. Хотя они и не были закончены, но сыграли положительную роль в обороне Москвы.

Оборонительное построение войск Красной Армии соответствовало представлению, что главный удар на Москву немцы нанесут по кратчайшему направлению: вдоль шоссейной и железной дорог Минск-Москва. На этом направлении были сосредоточены главные силы Западного фронта, а в тылу у них – 4 дивизии 32-й армии Резервного фронта (см. схему [3]).


I.D охотная дивизия
I(m).D. моторизованная дивизия
Pz.D. танковая дивизия
2.D.SS."DR" 2-я дивизия СС "Дас Райх"
A.K. Армейский корпус
Pz.K. Моторизованный корпус
Tle - часть дивизии
16.A.
II.A.K
Tle.123.I.D.
12.I.D.
Tle.123.I.D.
Tle.281.Sich.
Ostashkov
253.I.D.
251.I.D.
Андреаполь (Andreapol)
102.I.D.
22A
(Zapadnaya Dvina)
XXIII.A.K.
256.I.D.
Западная Двина
206.I.D.
Western Front
29A
31A
(Rzhev)
Dovator's operational group
Zharkovsky
9.A.
110.I.D.
107мсд
Белый
(Belyj)
(Sychevka)
Сычевка
VI.A.K.
26.I.D.
6.I.D.
30A
134 сд
49A
36.I(m).D.
Brig.900.
1.Pz.D.
7.Pz.D.
XXXXI.Pz.K.
129.I.D.
Kholm-Zhirkovsky
Rezervy Fron
14.I(m).D.
6.Pz.D.
LVI.Pz.K.
35.I.D.
5.I.D.
3.Pz.Gr.
V.A.K.
106.I.D.
28.I.D.
8.I.D.
87.I.D.
VIII.A.K.
161.I.D.
255.I.D.
16A
45кд
101мсд
Izdeshkovo
32A
Kasnja
Касня
(Vyazm
Вязьм
XXVII.A.K
(Smolensk)
СМОЛЕНСК
162.I.D.
86.I.D.
Doregobuzh
20A
HEERESGRUPPE MITTE
137.I.D.
263.I.D.
Yelna
24A
Угра
IX.A.K.
(Pochinok)
183.I.D.
4.A.
Починок
292.I.D.
Монастырщина
(Monastyrshchina)
XX.A.K.
268.I.D.
15.I.D.
43A
60сд
Spas-Demensk
78.I.D.
267.I.D.
25.I.D.
197.I.D.
17сд
33A
VII.A.K.
7.I.D.
(Kirov)
Киров
11.Pz.D.
2.Pz.D.
252.I.D.
10.Pz.D.
3.I(m).D.
XXXXVI.Pz.K
5.Pz.D.
Roslavl
4.Pz.Gr.
2.DSS."DR"
258.I.D.
98.I.D.
34.I.D.
17.I.D.
260.I.D.
52.I.D.
LVII.Pz.K.
XXXX.Pz.K.
20.Pz.D.
XII.A.K.
XIII.A.K.
(Ljudinovo)
Людиново
112.I.D.
XXXXIII.A.K.
131.I.D.
50A
Хотимск
(Khotimsk)
Жуковка
(Zhukovka)
Дятьково
(Djatkovo)
31.I.D.

Центральное место в войсках Западного фронта на 35-ти километровом участке занимала 16-я армия под командованием К.К.Рокоссовского. Стрелковые дивизии этой армии 112-я, 38-я и 108-я "оседлали" Минское шоссе и железную дорогу Москва - Смоленск. Штаб 16-й армии размещался в Дорогобуже. В конце сентября в эту армию была передана еще одна дивизия - 214-я стрелковая. В 16-ю армию входила и 127-я тбр. во главе с генерал-майором Ф.Т. Ремизовым.

Южнее, по другую сторону Днепра, на Дорогобужском направлении, в полосе 45 км расположилась 20-я армия генерала Ф.А.Ершакова. Армия была, левофланговой армией Западного фронта. На ее переднем крае находились 144-я, 229-я, 129-я стрелковые дивизии.

Дивизии 32-ой армии занимали вторую линию обороны вдоль верхнего течения реки Днепр. Полосе, занятой для обороны 2-й стрелковой дивизией, придавалось особо важное значение. Она прикрывала главнейшее направление на Москву. Рассказывает генерал В.Р.Вашкевич [4]:

> Шоссейный железобетонный и железнодорожный мосты через Днепр были подготовлены к взрыву огневым и электрическим способом. Подрывные команды, состоявшие из саперов резерва главного командования, влились в состав дивизии.
>
> По обеим сторонам автомагистрали располагались два дивизиона морских орудий. Они предназначались для противотанковой обороны этого направления. Орудия обслуживал отряд черноморских моряков в составе 800 человек. В качестве противотанковых средств были использованы и два полка 85-миллиметровых зенитных орудий.
>
> В каждом батальонном районе обороны имелось по два — четыре дота, вооруженных противотанковыми орудиями. Строительство дотов продолжалось. По всей долине левого берега Днепра мы возвели две полосы проволочных заграждении и плотно заминировали противопехотными и противотанковыми минами. Между первой и второй позициями главной полосы обороны были установлены электризованные проволочные сети. Построенные 133-й стрелковой дивизией ячейковые окопы ополченцы превратили в сплошные траншеи с ходами сообщения, которые связывали все позиции главной полосы обороны. Пулеметные и орудийные окопы пополнились двумя-тремя запасными позициями. Каждый взвод располагал надежным блиндажом. Командный пункт дивизии и двух стрелковых полков состоял из долговременных железобетонных сооружений. Дивизии придали 57-й тяжелый артдивизион и 596-й гаубичный артиллерийский полк. Количество боеприпасов доходило до восьми комплектов для стрелкового и до шести комплектов для артиллерийского оружия. Таким образом, полоса обороны дивизии представляла собой развитую и сильно укрепленную полевую позицию с элементами долговременных оборонительных сооружений, с большой плотностью артиллерийского и ружейно-пулеметного огня.

Танки Т-38, поступившие в дивизии 32-й армии [3]

Правее 2-й с.д. вдоль Днепра располагалась 140-я с.д. (бывш. 13-я ДНО), а левее 8-я с.д. (бывш. 8-я ДНО). Бауманскую, 29-ю, дивизию, как уже было сказано, в сентябре выдвинули вперед по отношению к положению, показанному на схеме. Их позиции оказались позади войск 20-й армии, кроме того 19-й полк прикрывал стык Западного и Резервного фронтов.

На переднем крае Южнее 20-й армии начинались позиции двух армий Резервного фронта 24-й и 43-й. Эти армии участвовали в боях под Ельней. Вторая – как вспомогательная. Два фронта западного направления жили обособленно, почти не сообщаясь друг с другом. Штабы фронтов находились далеко от передовых позиций – в Касне и Гжатске.

24-я армия, после боев за Ельню заняла оборону по рекам Устром и Стряна. В первом эшелоне армии находились 309-я, и 103-я стрелковые дивизии. Туда же, в район Ельни, была направлена 139-я дивизия (бывш. 9-я ДНО Кировского района). Она должна бы-

ла сменить 303-ю с.д., понесшую значительные потери в Ельненской наступательной операции. 30 сентября воины 139-й дивизии в составе трех полков прибыли на передовую. 1303-й полк своевременно ночью сменил своих предшественников и занял их окопы, но 1300-й полк опоздал. При попытке в дневное время выйти на боевую позицию по открытой местности он был встречен бешеным огнем со стороны противника и, понеся огромные потери, в беспорядке отошел в лес. Пришлось следующей ночью вместо него занять позицию 1304-му полку, предназначавшемуся ранее для резерва, куда были включены оставшиеся воины 1300-го полка. Таким образом, 139-я дивизия еще до начала боёв бездарно потеряла целый полк. Вот так приходилось расплачиваться за отсутствие военной выучки! В составе 24-й армии были также две танковые бригады – 144-я и 146-я – остатки понесших потери танковых дивизий.

Левый фланг Резервного фронта занимала 43-я армия. В переднем эшелоне армии находились 222-я стрелковая дивизия вместе со 145-й танковой бригадой – бывшей 104-й танковой дивизией, которая в свое время понесла большие потери под Рославлем, когда частью сил ей удалось вырваться из окружения. Южнее расположились 211-я и 53-я стрелковые дивизии. В состав 43-й армии в конце сентября была включена из 33-й армии 113 стрелковая дивизия (5-я народного ополчения Фрунзенского района). Она выдвигалась на реку Шуица, на смену 149-й дивизии, которая, в свою очередь, сдвигалась ближе к переднему краю. Еще раньше – 26-го августа, сменив ушедшую 100-ю стрелковую дивизию (ставшую 1-й гвардейской), ее позицию на Десне занял 1283 полк 60-й дивизии (1-й дивизии народного ополчения Ленинского района). В резерве 43-й армии находилась 148 тбр., переформированная 16-го сентября из 109-й танковой дивизии, которая в свою очередь образована из 59 танковой дивизии 2-й армии Дальневосточного Фронта.

Поскольку 43-я армия прикрывала второе по значимости шоссе на Москву, позади неё, в районе Спас-Деменск – Киров расположились ополченческие дивизии 33-й армии: 60-я (1-я ДНО), 17-я (17-я ДНО) и 173-я (21-я ДНО).

6 сентября военный совет Западного фронта доносит в Генеральный штаб, что немецкие войска создают ударную группировку на Ярцевском направлении против Западного фронта и в районе Рославля в направлении Спас-Деменск против Резервного фронта.

В ответ 10 сентября Ставка потребовала от Западного фронта "прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группу для наступления в будущем". Перед главной полосой обороны в большинстве армий создавалась полоса обеспечения (предполье) глубиной от 4 до 20 км и более. Наступательные действия Западного фронта на ярцевском направлении прекратились. Но в полосе 24-й и 43-й армий Резервного фронта они продолжались до 15 сентября. Более того 16 сентября Ставка утвердила подготовку к наступлению на рославльском направлении для 43-й армии.

18 сентября уже зам. начальника Генерального штаба А.М.Василевский информирует командующего Западного фронта о сосредоточении немецких войск главным образом на ярцевском и ельнинском направлениях. В плане оборонительных операций войск Западного фронта на направлении вероятных действий противника от 20 сентября, начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Соколовский рассмотрел несколько возможных вариантов обороны армий. К сожалению, предположения о планируемом направлении главного удара оказались ошибочными. Хотя помимо направления Ярцево-Вязьма были подготовлены мероприятия по отражению ударов и в других направлениях.

28 сентября Конев и начштаба Западного фронта Соколовский представили начальнику Генерального штаба план оборонительных действий при переходе противника в наступление на смоленско-вяземском и ржевском направлениях. В этом плане предполагался немецкий главный удар на вяземском направлении и вспомогательный на ржевском. На вяземское направление, в район Вадино, сосредоточились дополнительно 143 и 147 тбр для усиления контргруппы.

Однако предположение о месте, где немецкая армия нанесет главный удар, оказалось ошибочным. Первоочередной задачей немцы посчитали не занять Москву к определенной дате, а уничтожить последнюю (как они полагали) крупную группировку Красной Армии. Для этого стоявшую на кратчайшем пути к Москве миллионную армию нужно было не выталкивать фронтальным наступлением на улицы огромного города (как поступил в 1945 г., атакуя Берлин, Г.К.Жуков), а, наоборот, отрезать войска от Москвы фланговыми ударами, окружить и уничтожить на дальних подступах.

К концу сентября немцы скрытно перебросили из-под Ленинграда 4-ю танковую группу, что позволило нанести удар не в одном месте, а в двух, по сходящимся направлениям. Под Ленинградом оставили радиста с характерным почерком работы, были предприняты другие меры по дезинформации советского командования. Против шести левофланговых дивизий Резервного фронта немецкое командование подготовило свой правый ударный клин прорыва. На переднем крае его находились 13 дивизий и из них – 3 танковые, а к атаке были готовы еще 3 танковых и 2 пехотных дивизий. К отражению 959 немецких танков 43-я армия имела 39 противотанковых орудий, а против 2-го авиакорпуса авиации противника было 8 зенитных пушек.

Удар 3-й танковой группы из района Духовщины пришелся севернее шоссе Ярцево-Вязьма, в стык 19 и 30 Армий, удар 4-й танковой группы из района Рославля по 24-й и 43-й армиям восточное города. То есть там, где плотности войск были ниже нормативов для устойчивой обороны. Создав локальное превосходство в силах, немцы взломали оборону советских войск.

4. «Тайфун» (2 октября 1941 г.)

Начальник немецкого Генерального Штаба Ф.Гальдер записал в дневнике [7]:

2 октября

Группа армий «Центр». Сегодня в 5.30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун». ..

…4-я танковая группа рассеяла сопротивлявшиеся группы противника и продвинулась на 15 км в глубину. Войска 4-й армии успешно наступают на всем фронте и продвинулись в среднем на 6–12 км. Танковая группа Гота и 9-я армия вполне успешно наступают, продвинувшись до 20 км в глубину.

Командование армий и танковых групп, как и 22.6, по-разному отвечает на вопрос о том, намеревался противник вести упорную оборону или нет. Только на тех участках, где у противника были тыловые оборонительные позиции, то есть перед 4-й и 9-й армиями, можно было заранее с уверенностью предположить, что он готовится к обороне. Можно думать, что он намеревался удерживать свои позиции и на остальных участках, но вследствие значительного снижения боеспособности его войск был быстро смят нашими частями. Однако и после этого, несмотря на поспешный отход на отдельных участках, организации планомерного и глубокого отхода не наблюдается. Группы противника, застрявшие в больших лесных массивах между нашими ударными клиньями, вскоре покажут нам, что противник не собирался отступать.

Основной задачей группы армий «Центр» было – вбить два танковых клина, конкретно, в 30-ю и 43-ю армии русских, не оттесняя остальные армии, находящиеся между ними, и быстро продвигаясь дальше на восток, повернуть с севера и с юга к Вязьме, образовать большой мешок, в котором и уничтожить, по возможности, все живое. Поэтому немцы очень опасались, что русские, разгадав замысел, начнут отход по всему фронту.

Строго говоря, операция вермахта "Тайфун" началась не 2 октября, а 30 сентября на юго-западном направлении. Вторая танковая группа генерал-полковника Гудериана с линии Гадяч - Путивль - Глухов - Новгород-Северский перешла в наступление на Орел и Брянск. Более ранний срок перехода в наступление Гудериана имел целью дезориентировать Советское командование относительно места главного удара и отвлечь его от направления удара группы армий «Центр». К сожалению, сделать это противнику удалось.

Немцам удалось сравнительно легко прорвать оборону Брянского фронта и в первый же день операции продвинуться на 15…20 км. Оперативных резервов, способных отразить натиск, на Брянском фронте не было, и 1 октября Генеральный штаб по поручению

Ставки отдал приказ вывести из состава Резервного фронта 49-ю армию для прикрытия Орловского, Курского и Харьковского направления. При этом Ставка не сочла даже нужным известить командующего Западным фронтом Конева о передислокации армии, находившейся позади его 30-й армии. Уже после того, когда началось наступление немцев и Коневу пришлось переместиться из разбитого авиацией штаба Западного фронта в Касне под Гжатск, он, внезапно, узнает от Буденного, что 49-я армия уже снята с позиций и грузится в эшелоны. Так осуществлялось "взаимодействие" между фронтами. 49-я армия прикрывала рубеж в районе Сычевка - Гжатск. Ее штаб размещался в Холм-Жирковском, как раз на острие атаки танков Гота. Дивизии были сняты с оборудованных, пристреленных рубежей. 303-я дивизия 24-й армии, ранее снятая с передовых позиций после Ельнинской битвы на переформирование, тоже передавалась в состав 49-й армии с началом погрузки в 18.00 4-го октября со станций Павлиново и Спас-Деменск. Таким образом, за сутки до начала решающего немецкого наступления с московского направления снимается целая армия!

На южном фланге Резервного фронта 1-го октября в 6.30 утра немцы начали внезапную, ожесточенную артподготовку по всему фронту 24-й армии. С небольшими перерывами она длилась целые сутки. О силе ответного огня можно судить по факту, что, например, в 103-м гаубичном полку суточная норма расхода снарядов составляла 80 штук. Возможно, немцы рассчитывали, что артподготовка будет принята как начало наступления на данном участке и сюда будут подтянуты резервы, снятые с действительного направления главного удара вдоль Варшавского шоссе.

В 5.30 (по берлинскому времени) 2-го октября началось решающее наступление армий вермахта. Северный танковый клин немецких войск (9-я армия), наносивший удар по стыку наших 30-й и 19-й армий имел основную задачу наступать от Новоселок (скрытых за болотами) по направлению на Боголюбово, Канютино, Холм-Жирковский, затем форсировать Днепр и развивать наступление на Вязьму. С рассветом более 300 танков 56-го корпуса, обрушились на 162-ю дивизию 30-й армии. Танковую атаку поддерживали пикирующие бомбардировщики 8-го авиационного корпуса. 162-я дивизия была рассеяна и перестала существовать. 242-я дивизия под напором до 70 танков отступала в северо-восточном, направлении. Имея задачу организации внешнего кольца окружения 41-й моторизованный корпус (1-я танковая дивизия – 99 танков) двинулся по направлению на город Белый по прямой дороге Новоселки - Белый. 250-я советская дивизия начала отход с позиций на рубеже Остролуки - Сутоки. До 20 танков противника вошли в Заозерье. К концу дня продвижение 3-й танковой группы составило более 20 километров в глубину. Ночью немцы отдыхали.

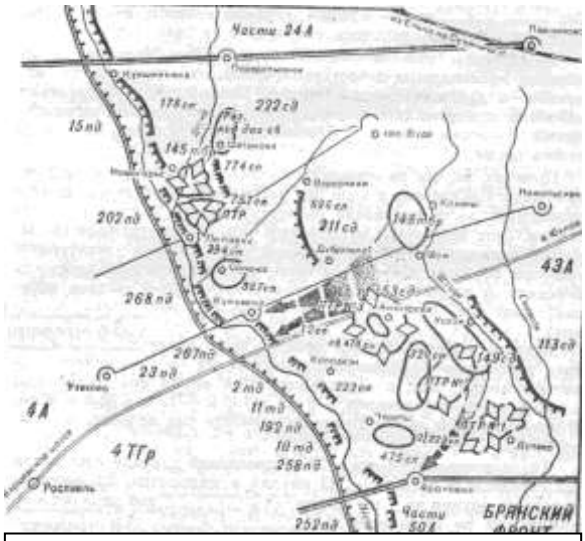
19-я армия Западного фронта вела упорные бои с противником на своем правом фланге, там, где был стык с 162-й дивизией. В связи с разгромом последней 244-й дивизии пришлось загнуть свой правый фланг на север. К 15.00 244-я дивизия отошла на рубеж Гунино - Шатуны - Борники. Отдельные подразделения мотопехоты немцев просачивались и до станции Иванисино, что в 5-и километрах севернее Вадино. На участке выдвинутой на передний край 91-й сд немцы, преодолевая полосу заграждений, к 15.00 передовыми частями вышли к основной оборонительной полосе дивизии на реке Вопь. 45-я кавалерийская дивизия, посланная на стык 19-й и 30-й армий (под танки) – туда не вышла, нарушив тем самым приказ. Командир дивизии, генерал-майор Дреер был отстранен от командования и отдан под трибунал. На участках остальных дивизий 19-й армии в этот день изменений не было.

Не было изменений и на участках 16-й и 20-й армий Западного фронта, где немцы всего лишь имитировали активность. Это дало основание командованию Западного фронта доложить в Ставку, что на главном (как считалось) направлении все атаки противника отбиты. Впрочем, у штаба фронта в этот день возникли свои проблемы. Немцы полностью разбомбили его служебные сооружения. Командный пункт Западного фронта, сооруженный ещё предшественником И.С.Конева маршалом С.К.Тимошенко, был размещен рядом

с железнодорожной станцией Касня, на господствующей высоте, в ярко-белом с колоннами и большими зеркальными окнами старинном особняке князей Волконских, который очень красиво смотрелся на фоне окружающего леса. Все подъезды к дому были не только приведены в порядок, но и посыпаны желтым песком. Большая часть аппаратуры фронтового узла связи была развернута под легкими козырьками и в палатках рядом с усадьбой. Находившееся здесь антенное поле, оживленное движение автомашин и групп военнослужащих не могло не привлечь внимание немецкой разведки.

2-го октября 27 пикирующих бомбардировщиков нанесли по КП Западного фронта мощный удар, а 4-го, еще один. В результате воздушных налетов было убито и ранено 73 человека, полностью разрушено здание штаба и дезорганизовано управление войсками. Штаб Западного фронта 4-го начал переселение в деревню Столбы (3 км восточнее Гжатска). Одновременно на рассвете 2.10 авиация противника нанесла сильные удары по основным и запасным узлам связи фронтов и армий, большинство самолетов связи было уничтожено на земле. Связь с Москвой полностью нарушилась, а связь с армиями перешла на уровень посыльных.

Не менее драматично развивались события в районе южного танкового клина немцев. Здесь наступала 4-я танковая группа генерал-полковника Э. фон Гёпнера, действовавшая в составе 4-й общевойсковой армии. Место для удара было выбрано опять же на стыке, но даже не армий, а фронтов – 43-й армии Резервного фронта и 50-й армии Брянского фронта, немного южнее Варшавского шоссе. Главная задача четвертой армии немцев заключалась в быстром продвижении ударной группы по Варшавскому шоссе и, затем, у Юхнова намечался поворот танковых дивизий на Вязьму, где им надо было соединиться с 56-м мехкорпусом 9-й армии. Второй по значимости задачей 4-й армии на начальном этапе операции было разделение 24-й и 43-й армий и в последующем обход 24-й армии с тыла и организация южного полукольца окружения советских армий.



Построение обороны 43-й армии

На участке 43-й армии немцы начали наступление в 6 часов 30 минут утра. Пользуясь перевесом в живой силе, обилием артиллерии и поддержкой авиации, они форсировали Десну и начали теснить дивизии 43-й армии, продвигаясь вдоль и параллельно шоссе. Немцы наступали на рубежи, построенные за месяц до этого студентами МВТУ. Но ослабленные 211 и 53-я сд не удержали позиции и начали отход.

Еще рано утром немцы организовали несколько переправ через Десну южнее в 10-ти километровом коридоре от Дровенево до Фроловки, который охраняли всего три роты 217-й дивизии, 50-й армии соседнего Брянского фронта. По переправам, в темпе, были пропущены пять танковых дивизий, а также пехотные колонны. К 14.00 противник продвинулся параллельно Варшавскому шоссе на 4-6 км. По приказу командарма-43 генерала Собенникова остановить противника контратакой должна была 149-я сд, но она не смогла даже сдвинуться с места из-за непрерывной бомбежки штурмовой авиацией. Позже, и она начала отход по направлению к Шуе. К 17.00 танки 2-й и 11-й танковых дивизий противника вышли на рубеж Осиновка 1-я - Забудская, оттесняя 149-ю дивизию все дальше на северо-восток.

Теперь на пути немцев оказалась 113-я сд (5-я ДНО), и здесь у них случилась первая заминка. В конце сентября в войска стали поступать отдельные истребительные противотанковые дивизионы 45-мм орудий. Такой, 239-й, дивизион получила и 113 сд. Те-

перь он сыграл значительную роль в обороне дивизии, хотя 12 противотанковых пушек могли, конечно, задержать лавину танков только на время. Тем не менее, ополченцы оказались более стойкими, чем регулярные части. Когда днем перед расположением 113-й дивизии в районе Ямное - Ясная поляна появились танки, они получили отпор.

Немцы стали искать обход дивизии с юга и с севера. На правом фланге дивизии артиллерии не было, и 1288-й полк отступил с реки Шуя к Каширино. Здесь опять завязались сильные бои. Обтекая дивизию с юга, 2-я тд немцев заняла Теребивлю и Суборово. В конце дня и ночью Суборово несколько раз пытались отбить, но безуспешно. Немецкая 10-я тд двинулась дальше на восток через Дубровку и Мокрое.

В 15.00 была замечена колонна в 100 танков, двигавшаяся по направлению на Бетлицу и Киров. Пехотой немцев были захвачены также железнодорожные мосты юго-восточнее Буды через реку Снопот.

Севернее Варшавского шоссе против правофланговой 222-й дивизии 43 армии наступали четыре пехотные дивизии. К исходу дня 222-я дивизия отошла из междуречья в Передельники, Шатьково, Чеботаревка. 211-я сд к 22.00 продолжала отход с рубежа Полковники - Благодатное – Ветитное. 53-я сд отступила на позициях Старая Присмара - Волково - Денисовка. Ее левый фланг южнее Варшавского шоссе был разбит и отступал в беспорядке.

Для ликвидации прорвавшихся немецких дивизий Буденный со своим штабом наметили операцию по их окружению и уничтожению с привлечением стрелковых дивизий из тридцать второй армии, а также 106-й сд, 144-й тбр из резерва 24-й армии, всего пять дивизий и две танковые бригады. Но снять дивизии этой армии, пусть даже своего фронта, без разрешения Ставки было нельзя: ведь они прикрывают шоссе Минск-Москва, и в Ставку летит телеграмма [8][2]:

> ... Для ликвидации противника на фронте 43-й армии, полагаю целесообразно снять 2, 8 и **29 сд** 32-й армии с занимаемого рубежа, 106 сд и 144 тбр 24-й армии, находящиеся в армейском резерве, и сосредоточить, в районе Барсуки, Бабичи, Хотеевка, Ширково, Каменец с задачей, в соответствии с обстановкой, нанести удар или в направлении Ивановка, Ново-Словени и далее на юг вдоль р. Десна, или Хотеевка, Лежневка и далее вдоль р. Шуица. 148 тбр и 149 сд наносят удар с юго-востока или юга по обстановке. Объединение действий 2, 8, 29, 106 сд и 144 тбр возложить на командира 32-й армии. ... Перегруппировка при использовании автотранспорта и движении днем потребует 2-2.5 суток. ... Прошу утвердить предполагаемое мероприятие.

План Резервного фронта ликвидации прорыва немцев по Варшавскому шоссе 02 10 1941 г.

Итак, по первоначальному замыслу командования 29-ю дивизию предлагается перебросить на южный фланг обороны для контрудара по прорвавшемуся противнику. Сама идея такой операции была бы не плоха (см. схему [3]), если бы не срок 2,5 суток на ее подготовку. Предполагалось, что немцы будут сидеть, сложа руки, и ждать всё это время? Любопытна и задача, поставленная 148-й танковой бригаде и 149-й стрелковой дивизии: чтобы атаковать с юга, они должны были бы повернуться спиной к противнику, прорвавшемуся южнее шоссе! Очевидно, к моменту составления плана контрудара и отправки телеграммы С.М.Буденный и его штаб

[2] Полный текст см. в приложении.

еще не оценили масштаб надвигающейся катастрофы и считали, что немцы проводят лишь локальную наступательную операцию. Хотя уже по количеству задействованных танков, можно было бы догадаться! Да и действовали немцы по стандарту: удар в стык армий (43-й и 50-й), принадлежащих к разным фронтам. Очевидно, С.М.Буденный надеялся, что в ближайшие часы немцы увязнут в нашей обороне при форсировании многочисленных речек. Тем более что на рубеже Спас-Деменск - Киров на второй линии обороны стояла 33-я армия (четыре дивизии народного ополчения). Но через сутки обстановка значительно ухудшилась.

Ставка не торопилась с ответом, поскольку все её внимание было приковано к Брянскому фронту. На свою ответственность в ночь на 3-е октября Буденный снимает 8-ю с.д., самую малочисленную из трех перечисленных, и отправляет к новому рубежу сосредоточения. Свой старый рубеж она передала соседней 29-й дивизии, который та, как мы увидим ниже, скорее всего и занять то не успела.

5. Бауманцы ещё не воюют (3-е октября 1941 г.)

3-е октября, последний относительно спокойный день для бойцов Бауманской дивизии. В нескольких десятках километров к северу и к югу от них вторые сутки свирепствует немецкий «Тайфун», а у Днепра тихий погожий день русской золотой осени. Правда, в течение дня пролетело несколько эскадрилий немецких бомбардировщиков, направлявшихся в наш тыл. По тылам дивизии по дороге к дер. Ленкино, где была переправа через болотистую Осьму, с утра двинулись автомобильные и пешие колонны Краснопресненской (8-й стрелковой) дивизии. Но это могла быть обычная передислокация, к которым за два последних месяца уже привыкли.

Командиры дивизий 32-й армии узнали о переходе противника в наступление только в конце дня. До этого приходилось пользоваться отрывочными и разноречивыми сведениями. Вечером 3 октября командующий 32-й армией генерал-майор С. В. Вишневский информировал их в самых общих чертах об обстановке и о том, что в районе Холм-Жирковский против 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района (140-й сд), находившейся на правом фланге армии, появилось до 100 вражеских танков. Что происходило в районе Ельни и южнее оставалось неизвестным. Все связи оказались нарушенными, а разведка донесений еще не прислала.

Между тем, именно на юге положение быстро становилось угрожающим. Если северный клин немцев встретил достаточно упорную оборону, причем красноармейцы порой переходили в контратаки, то на юге к концу первых суток дивизии 43-й армии, находившиеся южнее шоссе, практически прекратили организованное сопротивление. Севернее шоссе 222-я и 211-я сд отходили на север, оголяя левый фланг 24-й армии, на которую с фронта нажимали войска 4-й полевой армии немцев. К исходу дня рубеж, на который должна была выйти Краснопресненская дивизия, оказался в руках противника. Между 211 и 53 сд образовался разрыв, то есть к исходу 3.10.41 первая линия обороны 43-й армии оказалась фактически прорванной.

В направлении вдоль Варшавского шоссе немцы вышли к позициям 33-й армии. После передачи 113-сд в состав 43-й армии в 33 армии остались: 60-я сд (без одного полка), занимавшая позиции северо-западнее Спас-Деменска, 17-я сд, защищавшая непосредственно Варшавское шоссе и 173-я сд, прикрывавшая г. Киров. В то же время 33-я армия, похоже, была вооружена и подготовлена значительно хуже соседней 32-й армии, поскольку располагалась в стороне от предполагавшегося направления главного удара немцев. Вот что вспоминает один из бойцов 60 сд, бывшей 1-й ДНО, (1-й ленинской дивизии, как называли ее в своих донесениях немцы) [5]:

> …Как и другие артиллеристы, я получил трехлинейную винтовку образца 1891 года. Пехотные полки были также вооружены этими морально устаревшими винтовками, причем, как нам рассказывали, их хватило далеко не всем. В наш полк прибыли молодые лейтенанты — выпускники ар-

тиллерийских училищ, еще не имевшие боевого опыта. Им были выданы автоматы, и мы ходили смотреть, что это такое.

Комиссар 3-го батальона 1314-го полка 17 сд В. Филиппов отметил позднее в своих записках:

« Первый бой мы приняли под Спас-Деменском. Что было у наших ополченцев на этот момент? Скверные, старого образца минометы и пушки да несколько пулеметов. Бойцы 43-й регулярной армии под напором немцев спешно отходили, можно сказать, просто бежали. А мы продержались до вечера, хотя потери среди ополченцев были ужасные. Мы же дали основным тыловым частям отойти по шоссе на Барятинское».

В.Филиппов не уточняет, что тыловые части, которым дали отойти, это в том числе и штаб(!) 33-й армии (командир – комбриг Д. П. Онуприенко). Интересно направление отхода штаба: не на северо-восток, вдоль Варшавского шоссе, прикрывать которое была поставлена армия, а на восток – на Барятинское, Мосальск, Сухиничи – в сторону от направления движения танкового клина немцев. В результате штабу армии удалось избежать окружения и гибели в отличие от оставшихся на направлении главного удара ополченцев.

А вот что докладывала в это время немецкая разведка [8]:

«к 33-й резервной армии относятся: 1-я ленинская дивизия; 9-я, 18-я, 21-я, 113-я резервные стрелковые дивизии. Эти дивизии при введении в бой подчинялись 43-й армии, 5-я резервная стрелковая дивизия переименована в 113-ю резервную сд. Дивизии вооружены не полностью.

(Показания пленного писаря 33-й резервной армии)».

О новой нумерации дивизий и их подчиненности разговорчивый писарь оказался не в курсе, в частности, 18-я сд к этому времени убыла на Калининское направление, но зато про недостаток оружия донес.

Среди тыловых частей 33-й армии, которые успели отойти, была редакция армейской газеты. Её сотруднику события представлялись гораздо менее трагичными [9]:

Части нашей необстрелянной ополченческой 33-й армии, стоявшие впритык [за частями 43-й армии], начали поспешный отход: высшее командование было заинтересовано в сохранении резервов, не завершивших выучки в полевых условиях. Передислоцировался и наш политотдел.

Так мы оказались в Мосальске, небольшом городке Калужской области. Направили связного в штаб армии и начали развертывать типографию в пустой двухэтажной школе. Но не успели расположиться. Примчался на мотоцикле связной и сообщил:

— Немедленно выступаем. Танковые колонны противника на подступах к городу.

Надо ли говорить, с какой быстротой мы вновь загрузили машины и двинулись через город на булыжное шоссе.

У бойцов пера и чернил машины, как видим, были, а вот бойцам 8-й сд машин хватило едва ли наполовину.

Переброска на юг 8 сд началась в ночь на 3-е октября (схема 5). На машинах из Жевлаков и из Какушкино в первую очередь передислоцировались командование дивизии, артиллерия, медсанбат, а так же 2-й и 3-й батальоны 1303 полка. Маршрут пролегал через Ленкино и далее через Торжок в Уварово. 1-й батальон 1303-го полка и 1301-й полк двигались своим ходом к трассе Жевлаки - Уварово для их транспортировки на машинах во вторую и третью очередь. 1299-й полк оставался, пока, на месте.

К. П. Софин, боец 1-го батальона 1301-го полка [10]:

"...Шли целый день и где-то под вечер (3-го) свернули с проселочных дорог на тракт, вдоль обочины которого стояла колонна машин. Погрузившись в них, мы после длительного перехода с удовольствием ехали - как-никак отдых. На рассвете (4-го) колонна остановилась в окаймлявшем шоссе кустарнике. Справа открывалась луговая низина, за ней виднелись густо поросшие зеленью холмы ... за ними были немцы".

Вечером 3-го числа был снят с днепровского рубежа последний, 1299 сп. Писатель Б. М. Рунин, в то время боец роты ПВО, рассказал в своей повести [11]:

“...И вот мы уже сидим в несколько рядов на досках, переброшенных поверх бортов какой-то мобилизованной полуторки. В передней части кузова на прибитой к полу треноге - наш ДШК… Я сижу у борта с правой стороны. Рядом со мной Кунин. Передо мной Фурманский. Он теперь наш отделенный командир… Через несколько минут мы отправляемся в путь. За нами еще две или три машины. Наш ротный в последней…Быстро вечереет. Мы едем какими-то глухими проселочными дорогами. Первое время еще слышатся разговоры, шутки, даже смех. Правда, в нем проскальзывают нотки нервозности и минутного возбуждения. Но вот мы проезжаем разбомбленный, сожженный Дорогобуж и все умолкают… С наступлением осенней темной ночи на горизонте возникает и постепенно ширится багровое зарево. Порой оттуда доносятся звуки далекой канонады. Потом и они смолкают. Мы едем с погашенными фарами, в полной тишине, и только на лесных участках от деревьев тревожно отдается гул мотора. Дорога то и дело петляет, но, судя по компасу, мы продвигаемся на юго-юго-запад. А зарево становится все обширнее и все ближе… В какой-то большой, но по-ночному совершенно безлюдной деревне, словно вымершей, мы останавливаемся и поджидаем идущие за нами машины. Однако тщетно. За нами никого нет. Неужто они заблудились и теперь плутают во мраке? А время идет, и водитель нервничает: ему приказано достигнуть пункта назначения еще затемно…мы едем дальше. Одни. Едем долго. Наконец останавливаемся в каком-то селении, проехав его из конца в конец: надо все-таки уточнить, где мы. Фурманский стучится в последнюю избу. Все правильно, наш водитель молодец! Следующая деревня - конечный пункт нашего маршрута. До нее рукой подать. Однако дорога туда плотно забита эвакуируемым на восток огромным стадом, как выясняется, заночевавшим тут с вечера. Из-за скопления коров не только проехать - пройти невозможно… Куда вы торопитесь? - ехидничает по нашему адресу какой-то дед из числа сопровождающих стадо погонщиков. - Там же небось еще с вчера немцы... Этого еще не хватало! Ведь в ту деревню с минуты на минуту должны прибыть наши подразделения. Пошли, - говорит Фурманский.- Необходимо срочно разведать, что тут происходит. Иначе быть беде. Фурманский и я устремляемся в сторону интересующей нас деревни. Надо торопиться - на востоке уже маячит светлая полоска. Длинными перебежками вдоль темнеющего лесочка нам удается быстро приблизиться к цели. Странно - на горке кое-где огоньки. Неужели в окнах? Осторожно, крадучись, иногда ползком пробираемся к огородам злополучного селения. Злополучным оно оказалось еще и потому, что с севера к нему, как теперь выясняется, можно проехать и другой дорогой. Уже начинает светать, и это становится все очевиднее. Как же быть? Ведь наши могут воспользоваться именно ею. Впрочем, сначала надо выяснить, кто в деревне. Судя по силуэтам, там и в самом деле ночует неприятельская воинская часть: на фоне светлеющего неба угадываются очертания незнакомых больших грузовиков "бюссингов"… Но вот стали появляться человеческие фигуры. Похоже, что на взгорке у колодца умываются солдаты. До них метров полтораста, но видимость еще слабая… Я быстро наставляю окуляры на резкость и впервые вижу немцев. Я вижу их совершенно явственно. Люди в чужой форме. Они ведут себя в деревне по-хозяйски уверенно, нисколько не таясь, даже не соблюдая элементарную осторожность, хотя, расхаживая по горке, представляют собой отличную мишень. И это особенно злит. Да, именно злость испытал я тогда в большей мере, чем какое-либо другое чувство. Итак, наших войск впереди нет. Нет даже боевого охранения. Никого. В сущности, нет фронта. Вернее, он почему-то открыт… Мы знаем только, что необходимо как можно скорее перекрыть обнаруженную нами дорогу, иначе наши подразделения могут угодить прямо немцам в руки. Фурманский и я образуем заставу на обнаруженной дороге… - вне пределов видимости немецких часовых на горке. Наша предусмотрительность оказалась не напрасной. Едва мы с Фурманским добрались до намеченной позиции, как обнаружили вдали движущуюся в нашу сторону колонну грузовых машин. Они быстро приближались. Мы передвигаем винтовки за спину и решительно перегораживаем дорогу, скрестив над головой руки в знак запрета. Однако передняя машина, отчаянно сигналя и не сбавляя скорости, мчит прямо на нас. Но мы все-таки стоим, "стоим насмерть". В последний момент она тормозит и сворачивает на обочину. Из кабины выскакивает разъяренный старший лейтенант, если не ошибаюсь, командир нашего третьего батальона. Какого черта! - кричит он, угрожающе тыча в нас пистолетом. Он явно раздосадован тем, что колонна и без того опаздывает, а тут еще какая-то непредвиденная задержка. - Откуда, к черту, немцы! - кричит он на нас и явно собирается ехать дальше. Там должны уже быть наши! В это время из следующей машины выходит незнакомый капитан. Он жестом утихомиривает старшего лейтенанта, задает нам два-три вопроса по существу, внимательно выслушивает… - Спасибо за службу - говорит капитан…Мы направляемся к своей полуторке и, обернувшись, видим, как задержанная нами колонна медленно сворачивает с дороги и втягивается в ближайшую рощицу. На востоке солнечный диск уже приподнялся над горизонтом. День обещает быть ясным. Очень хочется спать...

Ф.Гальдер записывает в дневнике:

3 октября 1941 года

…На фронте, где осуществляется операция «Тайфун», весьма значительные успехи… Противник продолжает удерживать фронт и ведет упорную оборону всюду, где он в состоянии ее организовать. Кое-где отмечено даже подтягивание резервов противника к фронту. Признаков преднамеренного отхода нигде не заметно.

В ночь на 4-е октября командование Резервного фронта, переосмыслив ситуацию, решило отказаться от контрудара, а силами подошедшей 8-й стрелковой дивизии занять оборону на рубеже Мартыновка - Зубово и не дать противнику (т. е. целому 20-му армейскому корпусу в составе 15 пд, 268 пд, 78 пд, а каждая в среднем по 15000 человек, плюс танки из 4-й танковой группы) выйти в тыл 24-й армии. В докладе Верховному Главнокомандующему Военный совет Резервного фронта сделал вывод, что резервов, которыми можно было бы задержать наступление противника, вышедшего в тыл частям 43-й и 24-й армиям, во фронте нет. К этому времени пришел ответ из ставки:

> Ставка Верховного Главнокомандования разрешила вам:
> снять с фронта обороны 29-ю стр. дивизию и бросить ее на юг в соответствии с принятым решением;..[3]

Но теперь следует уже новое решение командующего фронтом, оформленное приказом в ночь на 4 октября:

> 29-ю сд 32-й армии с 533 ап ПТО перебросить автотранспортом из района Дорогобужа в район Куземки на рубеж реки Мал. Ворона, чтобы перехватить шоссе на Юхнов[4].

Указное место находится в 8…10 км восточнее Спас-Деменска, позади войск 33 армии. Таким образом, приказом командующего 29 сд выводилась в резерв фронта на Юхновское направление. 4 октября она получила приказ на выступление. От места назначения ее отделяли 100…110 км по проселочным дорогам вдоль фронта, причем движение в светлое время суток должно было происходить при интенсивном воздействии вражеской авиации.

6. Приказ: на юг (4 октября)

Фото Маргарет Бурк

Трудно сказать с точностью до часа, когда 29-я сд получила приказ о выступлении, но есть сведения, что в 14-00 4 октября основными силами она еще находилась в районе постоянной дислокации Дорогобуж – Болдино [2].

Московский ополченец Александр Михайлович Гольдман рассказал [12], как дивизию подняли по тревоге в Дорогобуже, один полк, госпиталь и музыкантский взвод отправили на Спасск-Деменск (на машинах), а два полка – на Вязьму (пешком). По замыслу командования, они должны были выйти к Вязьме, чтобы оборонять город от наступавшего врага.

Это свидетельство подтверждает, что полки дивизии сразу разделили и впоследствии бауманцы вели бои порознь в пунктах, удаленных друг от друга на десятки километров. Но можно лишь гадать, почему это было сделано. Логично, что через Спас-Деменск по кратчайшему пути к месту назначения двинулся 1294-й (бывш. 19-й) полк, стоявший в д. Озерище. С передовым полком ушел штаб дивизии во главе с командиром, а с двумя другими полками через Вязьму отправились комиссар и политотдел.

В то же время Гольдман, вероятно, ошибается, говоря, что два полка были направлены для защиты Вязьмы. 4-го октября об этом еще никто не думал. Дивизию сняли с позиций, чтобы прикрыть направление на Москву по Варшавскому шоссе, и более вероятно, что два полка через Вязьму кружным путем, но зато по хорошей, по тем временам, дороге

[3] цитируется по [2]
[4] см. Приложение

собирались перебросить в район Юхнова. Возможно, командование надеялось собрать необходимое для такой переброски количество автотранспорта.

Дивизия снялась с позиций до конца дня 4-го октября, поскольку 5-го октября представители 2-й сд, которая в связи с уходом 8-й и 29-й дивизий вынуждена была почти на 30 км расширить к югу свой фронт обороны, обнаружили только пустые окопы. Население сказало, что здесь стояли какие-то, но накануне снялись и ушли в неизвестном направлении.

Тем временем на пути следования полка, двигавшегося к Спас-Деменску по проселкам сквозь леса и болота, уже идут тяжелейшие бои с танками и мотопехотой из двух немецких танковых и двух подошедших пехотных дивизий. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня соединения наших 43-й и 24-й армий, 4 октября вышли к железной дороге Спас-Деменск - Ельня. Ополченцы Красной Пресни (8 сд) подверглись нападению 15-й моторизованной дивизии немецко-фашистской армии, располагавшей мощной артиллерией и поддержанной танковыми частями. Силы далеко не равные. На участках, где атаки противника отражались, танковые соединения врага обходили позиции стойко оборонявшихся армий и дивизий, охватывая их фланги.

> Развернулись мы под косогором, а оттуда стрельба, ближе, ближе. Первое, кого мы лишились, - это командования. Командир дивизиона и комиссар пошли за косогор узнать, что там происходит, а потом оттуда прибежали солдаты, сказали, что обоих убило. А потом оттуда начала валить наша пехота. Спрашиваем у бегущих солдат, что происходит, они матом - идите сами посмотреть, если не боитесь положить нескольких человек. Тем временем мы развернули батарею, и командир кричит: "Беглым, огонь!" Нам стало ясно, что это заградительный огонь, чтобы хоть как-то остановить немцев…[5]

Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку как для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, так и для армий Западного фронта. 4 октября тыловые части 24-й, 33-й и 43-й армий начали отход. Из воспоминаний помощника командира взвода боепитания 60-й сд, чья часть располагалась в 20 км к северу от Спас-Деменска [5]:

> К вечеру [3.10] появился офицер штаба и дал команду выступать. Выехав из леса, мы увидели, что весь горизонт охвачен пожарами, на юге продолжал пылать Спас-Деменск. Проехали через деревню, где до этого был расположен штаб нашего полка. Женщины с детьми, старики безмолвно стояли у своих изб, провожая нас взглядом. Все было освещено зловещим огнем дальнего зарева. Через некоторое время мы подъехали к нужной нам дороге. Отступающие воинские части двигались по ней непрерывной вереницей, с трудом включились мы в этот поток. Канонада затихла. Вся ночь прошла в медленном движении, с частыми остановками. Налетов немецкой авиации не было.
>
> С рассветом [4.10] обстановка изменилась. Над нами пролетали немецкие бомбардировщики, и мы слышали далеко впереди грохот разрывов. Возвращаясь, самолеты летели бреющим полетом и поливали землю пулеметным огнем. Мы не попадали под бомбежку, — очевидно, немцы бомбили головную часть потока отступающих войск, может быть с целью затормозить общее движение. Это им удалось: мы стали чаще и подолгу останавливаться. При приближении самолетов, обстреливавших нас с воздуха пулеметным огнем, соскакивали с машин и залегали в стороне от дороги. Помню, как один раз, когда я лежал среди других солдат, приникнув к земле, один из них вдруг протянул мне каску (у ополченцев касок не было) и сказал: «Надень, будет безопасней!» Сам он был в каске, откуда у него взялась вторая — не знаю, может быть, снял с головы убитого товарища. Защиты с воздуха не было, мы за все время не видели ни одного нашего самолета, и это угнетающе действовало на людей.

Далее уже из воспоминаний научного сотрудника ГАИШ МГУ, ополченца 8-й сд Г.Ф.Ситника:

> Вечером 4 октября меня вызвал комиссар артполка и приказал возглавить группу, включая штабную батарею, и отвести в тыл на 15 км, где должна была собраться наша дивизия на новых рубежах. В состав указанной группы тыла был включен и личный состав, обслуживающий четыре 120-мм гаубицы на мехтяге. Эти гаубицы поступили к нам на марше. Они были на заводской смазке и без единого снаряда к ним!
>
> Наша группа на машинах отъехала на 15 км в тыл, и там представитель штаба дивизии дал указание двигаться на северо-восток еще на 40 км. В новом месте ранним утром 5 октября уже никакого представителя дивизии или полка не было, мы оказались предоставленными самим себе. Се-

[5] Из воспоминаний бойцов 8-й сд [3].

ло, в которое мы въехали, казалось вымершим. Население попряталось, армейские склады были раскрыты и без охраны. Все свидетельствовало о сверхспешном отходе тех частей, которые были в селе ранее.

Посоветовавшись с начальником служб тыла полка, я решил, что группа должна двигаться к Вязьме, где мы постараемся найти дивизию, или наша группа будет присоединена к другой действующей части. Решено было также перемещаться только в вечерние, ночные и утренние часы суток. При выезде из указанного села, наши машины были обстреляны минометным огнем противника. Мы ответили ружейным огнем прямо с движущихся машин. Выехали из-под обстрела. Тяжело было видеть, как люди, боевая техника, танки, артиллерия откатывались на восток сплошным потоком, который прерывался только бомбежками противника. Не чувствовалось никакого управления. Части и соединения перемешались[6].

Оба рассказа объединяет любопытное обстоятельство. В условиях подавляющего превосходства немцев в танках и артиллерии немногочисленные артиллерийские части дивизий народного ополчения, не сделавшие по врагу ни одного выстрела, по приказу собственного командования отводятся в тыл, дабы избежать захвата противником. Г.Ф.Ситник пишет, что боевая техника откатывалась на восток «сплошным потоком», т.е. в других дивизиях происходило то же самое – спасали технику, оставляя в жертву живую силу.

Какой-то свет на происходившее проливает следующая телеграмма на имя командующего Резервным фронтом:

6 октября 1941 г. 07 ч. 05 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования категорически запрещает оставлять врагу находящуюся на позициях Резервного фронта артиллерию усиления (противотанковую, корпусную, морскую) и предлагает всю позиционную артиллерию 24-й армии и оставшуюся еще на позициях 43-й армии с отходом этих армий немедленно вывести в район Малоярославца можайской линии обороны, назначив строго ответственных за это лиц. Передаю Вам, что это личные указания тов. Сталина.

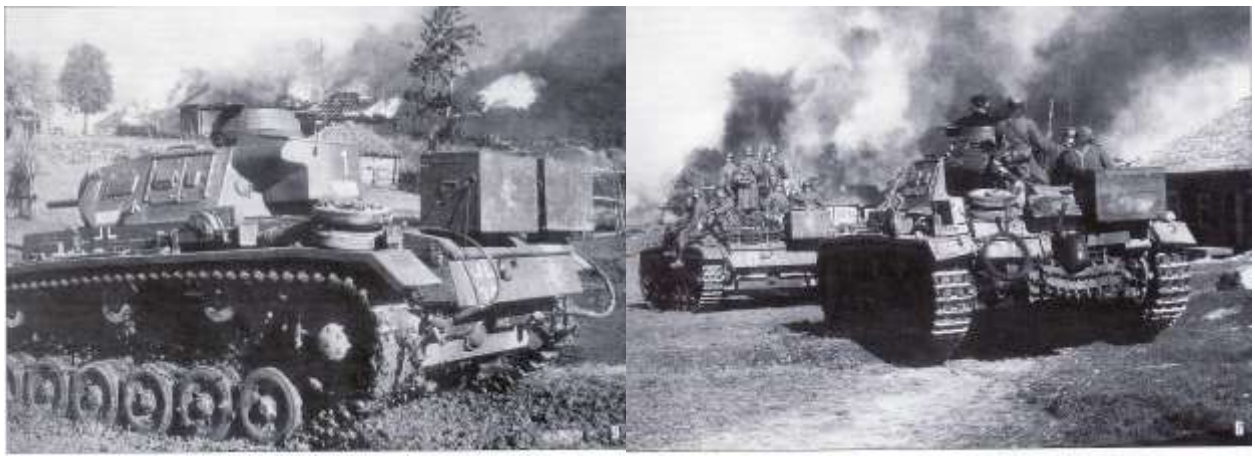
По поручению Ставки Верховного Главнокомандования Начальник Генерального штаба КА

Б. ШАПОШНИКОВ № 002662 [8].

Телеграмма датирована 6 октября, но, без сомнения, подобные приказы отдавались и раньше. Потеряв почти всю технику на западной границе, теперь старались любым способом сохранить остатки. Вот «строго ответственные лица» и отсылали новенькие пушки в тыл, совершенно не заботясь, что станет с оставшимися на позициях учеными, писателями и инженерами. За их жизни строгой ответственности не предполагалось.

Другая ополченческая дивизия, 17-я, 33-й армии, занимала оборону западнее Спас-Деменска (р-н Холмца) на участке шириной по фронту 28 км. Пропустив через себя отходящие на восток остатки трёх разбитых дивизий 43-й армии и испытав бомбёжку, 4-го октября она оказалась на переднем крае, была подвергнута мощному удару с воздуха и танковой атаке. Неприятель использовал в общей сложности до двухсот танков, поддержанных более чем двумя дивизиями пехоты, а также бронемашинами. Артиллеристы дивизии вели огонь по наступающим танкам в упор и погибали под гусеницами прорвавшихся машин вместе со своими орудиями. Несмотря на упорное сопротивление, к 5 часам дня 4 октября дивизия была практически окружена, и с наступлением темноты положение стало угрожающим. Два батальона соседних полков дивизии дрогнули и начали отступать без приказа, ломая фронт. Связь с армией была потеряна, чудом уцелела телефонная связь с соседней 60 сд (1-я ДНО). Командир 60 сд генерал-майор Котельников, как старший по званию, дал распоряжение о выходе из окружения. Действуя совместно с одним полком 60 сд, 1314 полк 17-й дивизии прикрыл отход и последним снялся с рубежа обороны в 2.30 ночи 5 октября. Наутро к отступающим присоединились несколько танков из частей 43А. Вести далее остатки дивизии сплочённой массой не имело смысла – они были бы уничтожены первой же встреченной регулярной частью неприятеля. Командир дивизии полковник Козлов принял решение выходить из окружения группами по 150-200 человек, по возможности сохраняя связь между ними.

[6] Дорогами войны (Отрывки из фронтовых воспоминаний) Г.Ф. Ситник (ГАИШ МГУ, Москва)



4.10.1941 г. Танки 11-й т.д. входят в горящий Спас-Деменск. (Фото из [3])

К 17.00 4 октября немецкие танки и мотопехота перерезали Варшавское шоссе в тылу 17-й стрелковой дивизии у поселка Ново-Александровский, и захватили город Спас-Деменск. Таким образом, частям 33-й армии остановить противника на рубеже р. Снопоть не удалось.

В силу изложенных обстоятельств 29-я дивизия в назначенный район вовремя добраться не смогла. Однако немцы её заметили и среди противостоящих им дивизий в районе Варшавского шоссе упомянули в вечерней сводке за 4 октября.

Из оперсводки № 111 Главного командования сухопутных войск вермахта (4.10.1941):

Б. Группа армий «Центр»:

На фронте группы армий противник оказывал различное по силе сопротивление. Наблюдавшееся до этого отступательное движение, особенно перед фронтом 4-й армии, носит локальный характер и не дает основания предположить об общем отводе сил противника.

4-я армия: Противник, усиленный пятью дивизиями из состава резервных армий, продолжал сопротивление, особенно сильное в полосе фронта 9 ак, а на северном крыле этого корпуса даже атаковал силами до батальона. Установлено отступательное движение из района Спас-Деменск и севернее в юго-восточном, восточном и северо-восточном направлениях. Пока еще не ясно, идет ли речь о тактическом отступлении, или же это пока только отвод тыловых частей и эвакуация имущества.

2) Подтверждены:

149 сд — в составе 479-го, 568-го и 744-го стрелковых полков и 314 ап по обе стороны шоссе Рославль — Москва;

113 сд — на рубеже р. Снопоть;

7 рез. сд— на шоссе Рославль — Москва;

8 рез. сд — перед фронтом 20 ак. Это еще одна дивизия из состава 32-й рез. армии;

222 сд — перед фронтом 20 ак. Дивизия сильно потрепана и не является полноценным в боевом отношении соединением [8].

Как видно, какая-то передовая часть дивизии успела добраться до шоссе, где столкнулась с авангардом противника. Есть смысл обратить внимание на формулировки: 7-я дивизия указана «на шоссе», тогда как остальные «перед фронтом». Похоже, что передовое подразделение 7-й дивизии немцы встретили на марше. Что касается старого номера дивизии, то источник мог быть не в курсе, ведь дивизию переименовали всего за неделю до описываемых событий.

А Франц Гальдер с удовлетворением записывает:

Операция «Тайфун» развивается почти классически... Танковая группа Гёпнера стремительно прорвалась через оборону противника и вышла к Можайску[7]. Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя, таким образом, к верхнему течению Днепра, а на севере продвинулась до Белого. Противник продолжает всюду удерживать не атакованные участки фронта, в результате чего в перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника.

[7] *явная ошибка автора или переводчика книги, правильно к Мосальску*

7. Знаменка (5 - 6 октября)

Полк 29-й сд, посланный на рубеж р. Мал. Ворона, должен был двигаться по проселочным дорогам, поперек, а где-то и в противоход движению отступающих войск. Естественно, что он не смог своевременно выполнить свою задачу. Подразделения смешались с отступающими частями 43-й А и были оттеснены на северо-восток в сторону п. Угра. От шоссе Рославль – Москва их уже отрезали наступающие колонны противника. В этих условиях командир дивизии мог отдать приказ повернуть на восток, в сторону дороги Вязьма-Юхнов, чтобы попытаться обойти прорвавшегося противника. Тем более что по этой дороге должны были двигаться от Вязьмы к Юхнову остальные два полка и был шанс восстановить боевой состав дивизии. Но никаких документальных данных по этому поводу нет.

Но избежать преждевременной встречи с немцами, по-видимому, не удалось. Где-то северо-восточнее Спас-Деменска части полка оказались на пути немцев, наступавших в направлении с. Всходы – с. Угра. На немецких картах обстановки за 5.10 в этом районе показаны позиции 29-й дивизии[8], прикрывающие дальние подступы к Вязьме с юга. Более того, в немецких источниках встречается сожаление, что 46-й корпус слишком рано повернул на север, на Вязьму. Корпус, дескать, натолкнулся на основную массу отступающих советских войск и вынужден был пробиваться через лесной массив с боями, а мог бы, наступая восточнее, просто окружить эти войска. Разведка противника, очевидно, не разобралась, какие части в тот момент находились перед ними, но 29-ю дивизию заметила и посчитала, что именно ей поставлена оборонительная задача на данном участке. Позднее, на карте обстановки за 7.10 в этом же районе 29-я дивизия показана окруженной и уничтоженной[9], хотя на самом деле передовой полк (а не дивизия!) ушел на восток в Знаменку, где принял свой последний бой.

По воспоминаниям А.М.Гольдмана:

> Большинство ополченцев, направлявшихся в Спас-Деменск, были убиты возле села Знаменка на Марфиной горе при встрече с танками Гудериана (ошибка, правильно Гепнера), оставшиеся в живых вышли из окружения и вернулись в Москву.

Эта версия боевых действий полка подтверждается в книге «Угранский набат» [19]:

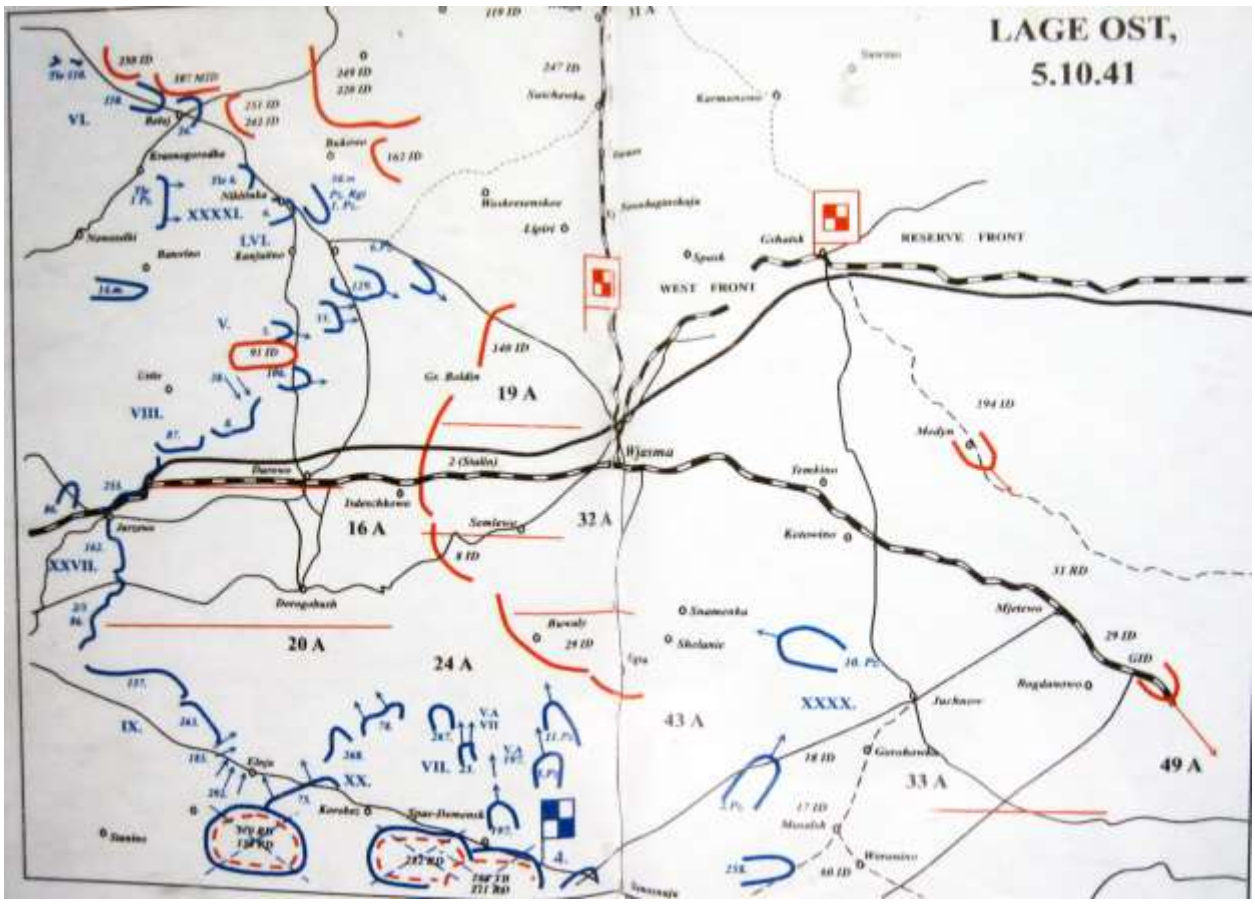
> …близ Знаменки шел двухдневный бой. Как выяснилось впоследствии, его вели подразделения 29-й стрелковой дивизии, сформированной из народного ополчения Бауманского района Москвы. Отходя из-под Дорогобужа, 19-й полк этой дивизии попытался остановить вражескую колонну, продвигавшуюся в сторону Вязьмы. В завязавшемся жарком бою бауманцы подбили два танка, уничтожили несколько десятков гитлеровских солдат и офицеров.

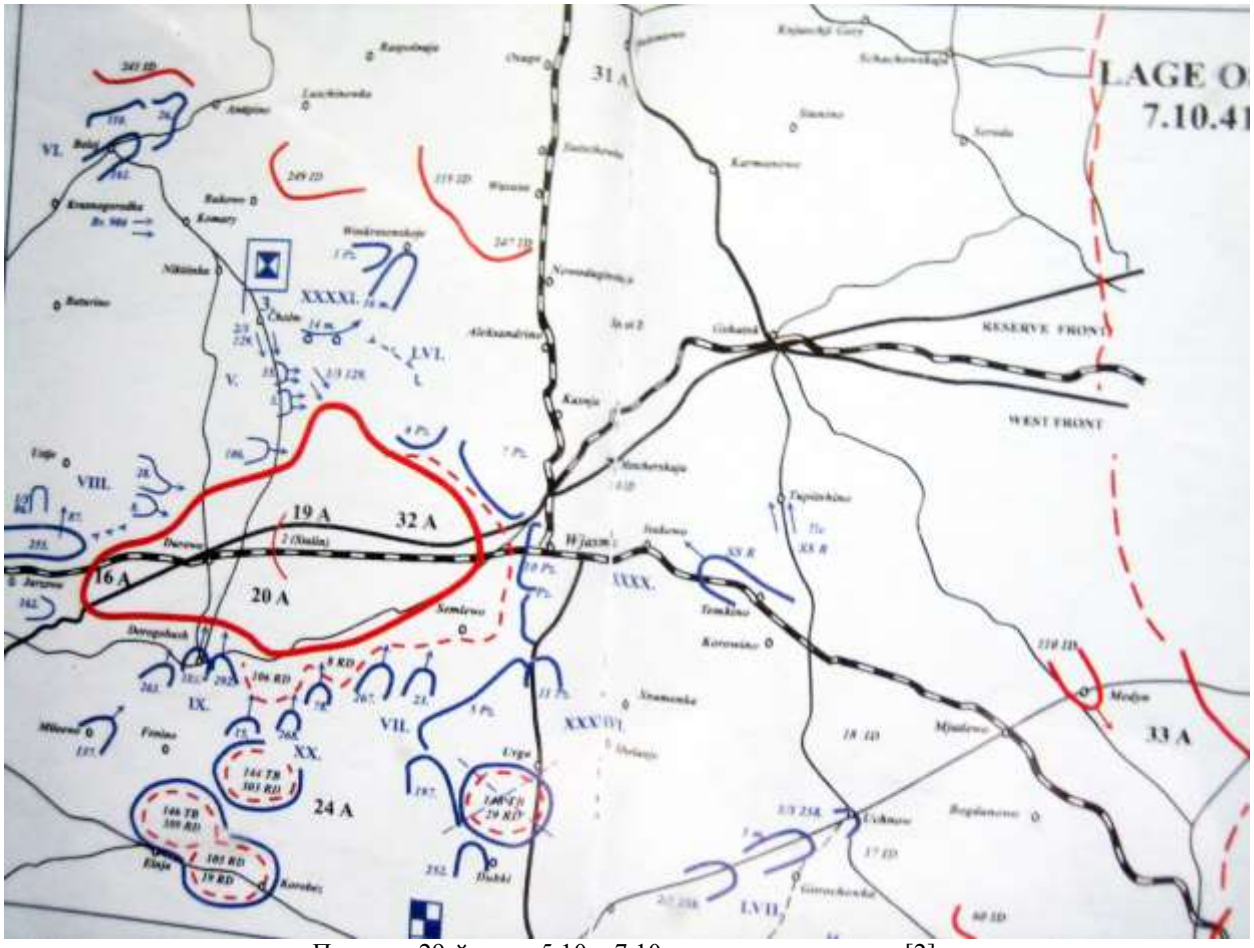
Событие датировано 6-м октября. В 2 км от Знаменки есть село Марфино, вероятно, это и был тот самый бой на Марфиной горе, о котором говорил А.М.Гольдман.

Интересно, что в тот же день недалеко от Знаменки, у пос. Богатырь, провела свой последний бой батарея «катюш» капитана Флерова. Гитлеровцы устроили засаду, пытаясь захватить батарею, отступавшую через леса от Спас-Деменска. Когда, выпустив по врагу весь боезапас, командир батареи увидел, что создалось безвыходное положение, он приказал взорвать установки. Сейчас на этом месте поставлен памятник.

---

[8] [2], схема 7.
[9] там же, схема 8





Позиции 29-й сд на 5.10 и 7.10 на немецких картах [2].

О боях 5-6 октября рассказывает ветеран 7-й ДНО А.П.Воловникова: «…Первый бой на смоленской земле, под Вязьмой, запомнился навсегда. Запомнилась продолжительная пулемётная дуэль и первый раненый пулемётчик.

Это было самое жаркое время – октябрь 1941 года. Танки Гудериана (опять Гудериана! *И.С.*) рвались к Москве, и нам надо было их остановить или, хотя бы, ненадолго задержать. Много наших бойцов полегло в тех тяжёлых боях…

Как символ благородства и мужества встаёт в памяти образ парторга нашего полка Николая Валерьевича Кожухаря, который в критический момент боя поднялся со связкой гранат навстречу атакующим танкам врага. Подорвав танк, он шагнул в бессмертие и, может быть, это был один из первых случаев такого самопожертвования в Великой Битве под Москвой.

6 октября, вытащив очередного раненого с поля боя, я подползла с ним к укрытию. Подбежал командир роты лейтенант Лобан и приказал пробраться к связистам и выяснить, есть ли связь со штабом полка. Расстояние 200 метров, ориентир – отдельно стоящее дерево на поляне. Полагая, что я проползла 200 метров, приподняла голову и увидела недалеко дерево-ориентир и, одновременно, возле правого виска, почувствовала на какую-то долю секунды незначительное колебание воздуха и поняла – пуля снайпера. В один момент я оказалась возле окопа связистов. Один из них протянул руку к моей голове и произнёс:

Быстро скатывайся в окоп. – И, показывая мне руку, сказал:

Из-за тебя меня ранили.

Сейчас перевяжу. – Только и сумела выдохнуть я и начала обрабатывать рану…

-Перевязав руку и выяснив, что связи со штабом полка пока нет, я побежала в роту, несколько изменив маршрут, так как опасалась снайпера и доложила командиру роты об отсутствии связи с полком…»[10]

А.П. Воловникова, выполнив приказ под огнем немецкого снайпера, всё-таки доложила командиру роты об отсутствии связи со стрелковым полком. Настал критический момент боя, связи нет. Командиры потеряли управление своими подразделениями.

По воспоминаниям ветеранов остатки полка в количестве 720 человек во главе с командиром и комиссаром 22 октября (т.е. более чем через две недели после этого боя) вышли из окружения и частично влились в состав 144 сд. Остальные вернулись в Москву [18].

Остается вопрос, с чем связана ошибка немцев, указавших местом уничтожения всей(!) 29-й сд лесной массив вблизи пос. Угра? По версии автора, никак документально не подтвержденной, во время боев в лесах и болотах, без сплошной линии фронта, немцам удалось (скорее всего, случайно) выйти на колонну штаба дивизии и разгромить её, захватив соответствующие документы. Судьба штаба дивизии не известна до сих пор, а командир, комбриг И.В.Заикин, долгое время считался пропавшим без вести. Это дало основание немцам еще до окончания боев под Вязьмой по радио объявить дивизию в числе уничтоженных, а штабу Западного фронта, который к этому времени был объединен с Резервным, отдать приказ о её расформировании. Что касается судьбы командира, то лишь недавно в опубликованной ОБД «Мемориал» книге памяти обнаружилась запись

Заикин Иван Васильевич, род. 1890. Призван Московским ГВК, комбриг, 29 сд 32А Рез.ф. Погиб в октябре1941. Похоронен в д. Знаменка Угранского р-на Смоленской обл..[11]

Остаётся, только, неясным, пал ли командир в описанном выше бою или погиб накануне в боях или от бомбежки. Бойцы вполне могли вынести тело командира, собираясь похоронить достойно. Они ещё не знали, что от своих их отделяли уже десятки километров.

---

[10] Газета «Покровка» Басманного района г. Москвы № 4(50) за июль 1997 года

[11] http:/www.obd-memorial/Memojrial/ Memojrial.html

8. Варшавское шоссе (5 октября)

На южном фланге Западного и Резервного фронтов немецкие войска, занявшие накануне Спас-Деменск, повернули на север, на Вязьму, выходя на фронтовые тылы. Одновременно, их 40-й танковый корпус двинулся по Варшавскому на Юхнов, практически не встречая никакого сопротивления. Остатки 43-й и 33-й армий в беспорядке отходили на северо-восток, на Гжатск, и на восток, на Калугу, лесными дорогами севернее и южнее Варшавского шоссе. Тыловые части этих армий к утру 5-го октября достигли Малоярославца, где были задержаны бойцами малоярославецкого укрепрайона. От этих «беженцев» командование Московского военного округа узнало о прорыве немцев под Спас-Деменском.

Немецкие танки на Варшавском шоссе

К полудню в штаб МВО поступило сообщение, что летчики авиаразведки наблюдали колонну немецких танков длиной 25 км на Варшавском шоссе. При этом голова колонны уже подходила к Юхнову. Между тем, Ставка хранила молчание. Это казалось невероятным. Для проверки ещё дважды посылали летчиков, в последний раз командиров соединений, и только затем сообщили в Ставку. За это время голова колонны уже вошла в Юхнов.

Примерно в 15^{30} немцы без боя занимают Юхнов (60 км юго-восточнее Вязьмы), а их передовой отряд атакует мост через Угру восточнее города. Мост, правда, оказавшемуся неподалеку батальону советских десантников удалось удержать и перед отходом на восточный берег взорвать.

Многократно описано, насколько нервозно было воспринято в Кремле и лично И.В.Сталиным это сообщение. Ведь до Москвы никаких крупных воинских соединений перед немцами больше не было. Ставка не предполагала, что задачей немцев в тот момент был не прорыв к Москве, а окружение и уничтожение по возможности наибольшего числа частей Красной армии, объединенных в Западный и Резервный фронты. Поэтому главные силы 4-й танковой армии немцев, заняв Юхнов, повернули на северо-запад, на Вязьму, и на север, на Гжатск, образуя внутренний и внешний фронты окружения.

Ещё более нервозно новость воспринял Л.П.Берия, который привык докладывать Верховному сведения о проблемах, возникших у военных, раньше, чем те решались доложить об этом сами. Командующий ВВС МВО полковник Н. А. Сбытов был вызван к начальнику СМЕРШ В.А. Абакумову, где его обвинили в трусости и паникерстве. Однако на Варшавское шоссе была срочно послана опергруппа НКВД с заданием разобраться с ситуацией на месте. Майор госбезопасности С. А. Клепов и старший майор госбезопасности А. М. Леонтьев в этот же день представили наркому внутренних дел СССР докладную записку:

> …После того как противник просочился в стыке 33 и 43 армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5-го октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы. Во второй половине дня 5-го октября частично силами районных органов НКВД, а затем при нашей помощи были организованы небольшие заслоны в Ильинском, Малом Ярославце, Боровске, Каменское и в направлении Медынь - Калуга, которые задерживают отступающие части и отдельные группы военнослужащих. Между Юхновым и Медынью 5-го октября около 15 часов капитаном 53-й авиабригады Сорокиным был взорван железный, висячий мост через реку Шаня, что находится

примерно в 8 км. западнее Медыни. В результате взрыва моста, с одной стороны, затруднен отход нашим частям и автотранспорту, с другой - создано препятствие для продвижения наших частей навстречу противнику. В результате созданной паники 5-го октября на участке Юхнов - Малый Ярославец были сняты все посты ВНОС и зенитные батареи. Снятие их было произведено в результате того, что лейтенант Сорокоумов, который командует постами ВНОС на этом участке, неправильно информировал командира полка ПВО Васильева в Москве и добился от него распоряжения о снятии постов ВНОС.

Только в 16 ч 20 мин 5 октября штаб Резервного фронта направил в Генштаб боевое донесение, в котором, в частности, говорилось:

4) Положение на левом фланге РФ создалось чрезвычайно серьезное. Образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе закрыть нечем. Направленная из 32 армии 29 сд с дивизионом ПТО на Юхнов выйти не успевает. И подойдет только к исходу 5.10. Головные части в 16-00 наблюдались авиацией на подходе Юхнов со стороны Добрая, Слободка.…[12].

Трудно сказать, кто тут ошибался или просто врал – летчики или штаб фронта. Но находиться в указанном районе (15-20 км от Юхнова) к середине дня 5 октября 29-я дивизия не могла. Передовой её полк, как уже было сказано, в это время только пробивался к Знаменке, а другие полки еще не дошли даже до Вязьмы. Большак Юхнов – Вязьма к середине дня уже был перерезан в нескольких местах авангардами немцев. Какие передовые отряды разглядели на шоссе авиаторы, осталось неизвестным. Управление войсками со стороны штаба фронта было потеряно, причем штаб даже толком не знал, где находится та или иная часть. Приказы войскам отдавались по радио без подтверждения их получения. Любопытно, что в приказе, отданном утром 6.10 войскам фронта на оборону рубежа (к тому времени уже занятого немцами), 29-я дивизия присутствует в списке подразделений 43-й А. Из этого следует, что штаб фронта, в силу ранее отданного приказа о передислокации, числил ее целиком действующей в полосе 43-й армии, а не обороняющей Вязьму.

Но Ставку убедить удалось. В 23ч 40 мин 5 октября в Калугу командиру 5-й гвардейской стрелковой дивизии, которому предлагалось взять на себя организацию обороны на Малоярославецком направлении, пришла уведомляющая телеграмма:

Распоряжением командующего Резервным фронтом в район г. Юхнов с северо-запада выбрасывается 29-я стр. дивизия [8].

Это последнее, известное автору, упоминание дивизии в официальных советских документах.[13]

5 октября Ставка дала, наконец, войскам Западного фронта разрешение на отход в ночь на 6.10 на днепровский рубеж обороны, чтобы те смогли избежать окружения. Но было уже поздно.

9. Вязьма (6 - 7 октября)

О полках 29-й дивизии, отправленных к Вязьме, известно, что они не успели добраться туда до занятия города противником. По свидетельству А.М.Гольдмана:

…когда они вышли на шоссе Москва-Минск западнее Вязьмы, то оказались в тылу у немцев, уже занявших город. Тогда дивизия "оседлала" примерно шесть километров Минского шоссе, парализовав движение немецкой техники, и на шесть дней задержала наступление фашистов на Москву. До Москвы немцам оставалось четыре часа езды на машинах, дорога была практически в эти шесть дней начала октября открыта для них, но именно эти отчаянно сражавшиеся части у них в тылах не позволили развить дальнейшее наступление. Только в первые сутки, говорят, они семь раз ходили в атаку на Вязьму, даже один раз зацепились за окраину, но сил не хватило удержаться...

Вопрос, почему бауманцы оказались в Вязьме позже немцев? Поскольку счет времени шел уже на часы, то имеет значение, и когда полки начали движение, и как двига-

[12] цитируется по [2], стр. 237

[13] Г.К.Жуков в своих мемуарах воспроизводит разговор с С.М.Буденным, где тот на вопрос о наличии наших войск под Юхновым отвечает: «…два полка, но без артиллерии». Уж не полки ли 29-й дивизии имел в виду маршал?

лись – автотранспортом или пешком, и, наконец, по какой дороге. Вначале о дате. Дивизию подняли по тревоге и отправили к Спас-Деменску передовой полк 4 октября. В тот же день из Дорогобужа в Вязьму направили школу лейтенантов, организованную при Бауманской дивизии:

> …я был послан в школу лейтенантов. Но там я пробыл всего 5 дней. Я со своей школой стоял на Днепре в городе Дорогобуже. 4 октября нам приказали отойти на новое место за г. Вязьма. Шли мы всю ночь. Когда подошли к Вязьме, оказалось, что мы попали в окружение. При бомбардировке погибла половина роты (*из письма домой ополченца Базилевича, студента МММИ им. Баумана*) [13].

То, что школу лейтенантов приказали отвести в тыл, к Вязьме, логично, особенно, если в том же направлении двигались два полка дивизии. Но со сроками не все понятно – от Дорогобужа до Вязьмы 70-80 км, пешком за одну ночь не дойдешь. Похоже, что бойцы шли не одну, а две ночи (благо в октябре они длинные), дорога была забита отступающими частями, а днем в небе почти непрерывно висела немецкая авиация.

Если школе лейтенантов не выделили автотранспорта, то полки, скорее всего, тоже пошли к Вязьме пешком, а в результате и они оказались в окружении. С другой стороны, если дивизию ожидали 5 октября уже в Юхнове (это плюс еще 60 км), то командование фронта, очевидно, предполагало изыскать достаточное количество автомобилей. Может быть ещё сутки ждали машины? Впрочем, 5.10 уже и уезжать было поздно, транспорт двигался со скоростью пешеходов. Вот что происходило на главной магистрали:

> Все шоссе было заполнено войсками, двигавшимися на восток. Сплошным потоком шла пехота, обозы, артиллерия, гражданские повозки с людьми. Шел мелкий осенний, такой нудный, дождь. Дорожная грязь, перемолотая тысячами сапог, сотнями колес и гусениц, противно чавкала. Колонны по шоссе двигались очень медленно. Было такое впечатление, что это ползет громадное живое существо, подминая дорогу под себя. Непрерывные бомбежки немецкой авиации, пробки на шоссе затрудняли движение [14].

К 6 октября погода резко испортилась. Похолодало, целый день лил дождь, а в ночь на 7-е выпал первый снег. Днем он, правда, растаял, но это только добавило грязи на дорогах[14].

От Дорогобужа до Вязьмы в 1941 году логично было двигаться по Старой Смоленской дороге через с. Семлево (сейчас эта дорога частично заброшена). Но там, вероятно, было не свободнее. Может быть, поиск более свободной дороги и заставил свернуть на магистраль Минск-Москва, по которой, по словам А.М.Гольдмана, бауманцы вышли к Вязьме? Не исключено, что полки дивизии выходили к Вязьме разными дорогами.

К этому времени командование Западного фронта уже отчетливо почувствовало опасность прорыва немцев к Вязьме с юга и попыталось защитить город, через который шли все линии снабжения фронта. Из штаба фронта командарму 16-й армии К.К.Рокоссовскому пришел приказ:

> Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 38 и 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК.
>
> Задача армии – задержать наступление противника на Вязьму со стороны Спас-Деменска и не допустить его севернее рубежа … (25 км южнее Вязьмы), имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов[15].

Указанные в приказе дивизии не были резервом Ставки. Они принадлежали тем же 16 и 20 армиям и находились либо в первом, либо во втором эшелоне вблизи фронта. Не удивительно, что вовремя к месту сбора они прибыть не смогли, а позже их отрезали и они оказались в окружении. Сам Рокоссовский успел проскочить, но остался без войск. Только части сил 50-й сд удалось пройти Вязьму до того, как было замкнуто кольцо

---

[14] Магистраль Минск-Москва в 1941 г. была покрыта гравием, а не асфальтом. Так что же было на других дорогах!

[15] цитируется по [2], стр. 282.

окружения. Позднее Рокоссовскому будет приказано прикрыть Вязьму и с севера, но что толку – войск у него все равно нет.

Рокоссовский беспрепятственно въехал в Вязьму на своём ЗИСе в первой половине дня 6 октября и в подвале городского собора встретился с руководством города. По его словам, никаких советских воинских частей в городе в тот момент не было, только полк НКВД (читай – заградотряды).

Первые немецкие части подошли с севера, откуда их совсем не ждали. Ещё 3 октября на подступах к районному центру Холм-Жирковский завязался тяжелый бой. Наступавшим 6-й танковой дивизии и 5-му армейскому корпусу противника противостояла 101 -я мотострелковая дивизия и 128 -я танковая бригада. Наши войска, отступая, дрались за каждый мало-мальски пригодный для обороны рубеж и переходили в контратаки. Противник овладел ст. Игоревская, продвинулся вперед, захватил райцентр, но его вскоре выбили и отбросили на несколько километров. После того как к противнику подошло подкрепление, он возобновил атаки. Понеся большие потери в результате повторных атак и бомбардировок, 101-я мотострелковая дивизия и 128 танковая бригада оставили райцентр Холм-Жирковский. В течение трех дней, с 3 по 5 октября, натиск врага сдерживали воины 152 -й стрелковой дивизии 126 -й танковой бригады, но и им пришлось отступить. Путь к Вязьме для подвижных соединений 3 -й танковой группы немецких войск был открыт. В образовавшийся между 19 -й и 30 -й армиями разрыв шириной до 40 километров устремились моторизованные части.

Примерно в 17 часов 6 октября передовые отряды 7-й тд гитлеровцев перерезали магистраль Минск-Москва, которая проходит в 3-х км к северу от города, и начали спешно окапываться фронтом на запад. Танки открыли огонь по машинам, покидающим город, их заметили с колокольни того же собора, и будущий маршал со штабом срочно выехал из города боковыми улочками, счастливо избежав встречи с противником. Примерно в это же время в районе д. Бозня, в нескольких километрах юго-восточнее Вязьмы, отходивший штаб 43-й А был обстрелян танками, двигавшимися к Вязьме со стороны Юхнова. Из-за наступившей темноты немцы не стали входить в горящий город, только две танковые роты провели ночью разведку его северо-западной части, где рассчитывали встретить части, наступавшие на город с юга.

Немцы входят в Вязьму. Октябрь 1941г. (http://www.pretich2005.narod.ru)

Утром 7-го октября немцы заняли Вязьму практически без боя. Но в немецких источниках содержится упоминание об ожесточенных ночных атаках противника в районе автомагистрали, которые были отбиты. Какие именно части с нашей стороны вели бой неизвестно, но это вполне могли быть бойцы Бауманской дивизии, вечером 6 октября подошедшие к городу.

Город горел, но не от наземных боевых действий, а от постоянных бомбардировок авиацией противника. Первая бомбардировка Вязьмы была совершена еще ночью 10 июля 1941 года, когда фашистский самолет беспорядочно сбросил бомбы на город. С этого времени начались систематические обстрелы и бомбежки города и железнодорожного узла. По данным штаба ПВО с 26 июня по 5 октября 1941 года фашисты бомбили Вяземский узел свыше 700 раз. 31 июля 1941 года фашистская авиация совершила массированный налет на Вяземский железнодорожный узел. Самолеты шли в три эшелона, волнами. В этот день на станции скопилось большое количество составов с военной техникой, боеприпасами, горючим, санитарный поезд, эшелон с эвакуированным населением. Погибло свыше 500 человек. Об этом страшном событии напоминает мемориальная доска, установленная на новом здании вокзала. 17 августа фашистская авиация повторила массированный налет на Вязьму. В дальнейшем город почти ежедневно подвергался бомбардировкам, особенно по вечерам, а с начала октября начали бомбить и днем.

6 октября фашисты очень сильно бомбили станцию, с которой шла эвакуация многочисленных раненых[16]. Сообщили, что враг высадил десант в районе города, и поступил приказ отходить. Ходить в рост было очень опасно, и раненых ползком по путям перетаскивали к эшелону, находящемуся в укрытии. Город был в огне. Враг разбомбил нефтебазу, горела нефть и, этим пожаром хорошо было освещено шоссе Вязьма - Гжатск - Можайск, по которому отходили тыловые части и гражданское население. Фашистские бомбардировщики, нагруженные бомбами с яркими сигнальными огнями, бомбили дорогу. До Гжатска добрались немногие, т.к. к городу с юга уже подходили танки дивизии СС «Райх», создававшей внешнее кольцо окружения.

Сообщение, что Вязьма была захвачена воздушным десантом, присутствуют в нескольких отечественных мемуарных записях. Да и описания других боев под Вязьмой пестрят подобными сообщениями. Однако, в подавляющем большинстве случаев воздушные десанты это – вымысел, растиражированный военачальниками всех рангов как объяснение, почему немцы вдруг оказались в тылу их зоны ответственности. Кстати, К.К.Рокоссовский встретил вечером 6.10. на окраине Вязьмы танки, но никак не парашютистов.

Школа лейтенантов при Бауманской дивизии, как видно, двигалась несколько южнее основных сил, как раз по старой дороге, так как прорыв, о котором говорится ниже, в те дни мог быть успешным только на участке к югу от Вязьмы, в полосе отхода 20-й армии, где немцы еще не успели создать сплошной фронт окружения.

> Наш командир роты решил прорываться…Часа в 3 ночи вместе с артдивизионом тяжелой артиллерии пошли на прорыв. Из 20 тракторов-тягачей прорвался только один. Т. к. мы шли без разведки, то угодили как раз в центр обороны немцев. Пулеметы били метров с пяти. Шли несколько тысяч, а вышли не более 20 человек, в том числе и я. Мы думали, что прорвались к своим, но оказалось, что вышли в тыл к немцам. Шли в тылу 10 дней. Ночевали в лесу. Правда, кормились неплохо, крестьяне принимали нас очень хорошо. В деревни мы заходили днем, когда из них уходили немцы. Числа 15–16-го пришли в Можайск [13].

Конечно, прорвалось не 20 человек. В те дни юго-восточнее Вязьмы с боями выходили из окружения батальоны, полки и даже дивизии (часто сборные, состоящие из бойцов разных частей), но выходили с очень большими потерями.

Теперь о боях в первые сутки окружения. Ни о каких организованных атаках на Вязьму по приказу командования армии сведений нет. Впрочем, и само командование ещё не вполне осознало произошедшее. В воспоминаниях В.Р.Вашкевича, командира 2-й сд (2-я ДНО), содержатся такие сведения:

> Рано утром 6 октября в штаб дивизии сообщили, что Вязьма занята парашютным десантом противника. Для участия в его уничтожении была направлена самая подвижная часть дивизии — танкетный батальон. Когда он подошел к Вязьме, она была уже занята 46-м танковым корпусом врага.

С датой здесь, по-видимому, автор ошибся. Всё происходило, по крайней мере, на сутки позже. Но в приказах по оказавшимся в кольце 19-й и 32-й армиям неоднократно повторялось, что на пути отходящих войск находятся лишь разрозненные подразделения врага, которые предписывалось уничтожить.

Не исключено, что атаки на Вязьму, о которых рассказал А.М.Гольдман[17], были попытками бауманцев прорваться через город на Юхновское шоссе, т.к. другого пути туда от магистрали просто нет. Вполне вероятно, что помимо бауманцев в них принимали участие бойцы разных частей, оказавшиеся в тот момент поблизости. Командиры понятия не имели о масштабах катастрофы и действительно посчитали загораживавших дорогу немцев, за оказавшееся у нас в тылу небольшое десантное подразделение.

---

[16] В лесу северо-восточнее Вязьмы находился крупный эвакогоспиталь Западного фронта, где к этому моменту скопилось более 3,5 тысяч раненых, и которые продолжали поступать. Из-за непрерывных бомбежек санитарные поезда подавали под погрузку только в темное время суток.

[17] в рассказе А.М.Гольдмана настораживает ссылка «говорят», т.е. сам он в этих боях не участвовал.

После неудачных попыток прорыва бауманцы отошли по шоссе к мосту через реку Вязьма возле села Относово (приблизительно 240-й км минского шоссе). Здесь утром 7 октября немцы предприняли танковую атаку из Вязьмы вдоль шоссе на запад. Об этой атаке упоминает А.М.Гольдман, но есть и более подробные свидетельства. Из воспоминаний лейтенанта Бауманской дивизии В.Я. Переладова[18]:

> «Я хорошо помню, как на позиции противотанковой батареи ринулись шесть танков. Казалось, что можно причинить этим стальным махинам сорокапяти миллиметровыми пушечками[19]. Да еще снарядов было мало. Решили подпустить ближе и бить наверняка. Когда эти грохочущие чудовища приблизились на расстояние 400-500 метров, мы открыли огонь. Три танка были подбиты» [15].

А вот более красочное описание, вероятно, той же танковой атаки глазами командира батальона 166 сд, отходившей по приказу командования на новый оборонительный рубеж.

> … двигались мы крайне медленно. 7 октября часам к 6 или 7 утра подошли к мосту через реку Вязьма — 10 км западнее города Вязьма. Слева от дороги виднелась небольшая деревенька (по-моему, Остино[20]), справа — большое поле и дальше — лес. В это время я вдруг услышал, что впереди началась очень сильная стрельба. Через несколько минут я увидел, что прямо по шоссе и по обочине со стороны Вязьмы, развернувшись в боевую линию, шли немецкие танки. Шли не торопясь, как бы «по-хозяйски» оглядываясь. Было их 15, а может быть и 20 машин. Помню, в первый момент меня тогда удивило, что они появились не со стороны фронта, а из нашего тыла. Танки противника двигались, непрерывно стреляя из пушек и пулеметов, давя все, что им попадалось на шоссе. За танками, тоже как-то не спеша, шли автомашины. Из них на ходу выскакивали солдаты, ведя огонь из автоматов по всем, кто был у них на пути. Нужно было что-то делать, что-то предпринимать. Нужна была какая-то команда.
>
> Собрав силы, как-то подсознательно я закричал: «Отходить к лесу!». И, как ни странно, меня услышали и поняли. Затем я побежал, видя единственное наше спасение — лес. Бежал, задыхаясь, не давая себе возможности отдышаться. Бежал, перепрыгивая через какие-то ямы, канавы. Падал и сразу же вставал, ни на минуту не позволяя себе расслабиться, стараясь уйти как можно дальше от шоссе, от танков, от автоматчиков врага.
>
> Правда, об этом сейчас очень трудно рассказывать, объяснять, оправдываться. Это просто нужно, не дай Бог, пережить самому.
>
> Все те, кто бежал с дороги, останавливались на опушке леса, ложились, окапывались, действовали кто как мог. И надо сказать, как-то сразу пропал страх. Откуда-то в руках у меня оказался «Дегтярь» — ручной пулемет Дегтярева. Я почувствовал уверенность, силу.
>
> Видимо, тогда вопрос был предельно ясен — я живу. Сколько буду жить — день, два; минуту, две — не знаю. Но я знал, что в данный момент, сейчас, с «Дегтярем» в руках — я живу. И это главное.
>
> Видимо, это произошло и со многими из тех, кто был в это время на шоссе и у леса.
>
> У нас появились соседи. Где-то ударило одно, затем другое орудие, зазвучали какие-то команды, послышались разрывы гранат. Яростно застрочили наши пулеметы — верные «максимы». Опушка леса вдруг ожила, была готова драться и бить врага.
>
> Немецкая же пехота залегла, а затем начала отходить. И сейчас я хорошо помню тот чей-то далекий хриплый голос: «А, гады! А, суки! Не нравится!»
>
> Обстановка, вместе с тем, непрерывно накалялась. Из Вязьмы противник подбросил еще танки. Подошла его новая колонна автомашин с пехотой. Явно — силы были неравные. Чтобы сохранить людей, нужно было уходить из этого района. Принял решение — батальону отходить на юг. Противник нас не преследовал [14].

Описанная атака была, по-видимому, просто разведкой боем. Немцы только что заняли город и готовили линию обороны его с запада. При этом частично они использовали

---

[18] **ПЕРЕЛАДОВ Владимир Яковлевич**. Родился 14 октября 1918 года в деревне Морозове Искимского района Новосибирской области. Окончил школу, рабфак, поступил в Московский институт народного хозяйства. В июле 1941 года с 4-го курса ушел добровольцем в народное ополчение. В звании лейтенанта был назначен командиром батареи 45-миллиметровых противотанковых пушек 21-го стрелкового полка 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района города Москвы. Участвовал в боях на 242-м километре Минского шоссе под Вязьмой. Был тяжело ранен и попал в плен.

[19] Лукавит либо автор, либо редактор. Для борьбы с танками Pz-III и трофейными чешскими танками, которые преобладали тогда у немцев, 45-мм противотанковые пушки вполне годились.

[20] очевидно, Относово.

окопы рубежа, построенного за месяц до этого ополченцами 2-й дивизии. До 12 октября немцы серьёзных попыток разрезать кольцо вдоль магистрали не предпринимали, они прекрасно понимали, что окруженные сами будут вынуждены прорываться, и готовились встречать атакующих огнем артиллерии, пулеметов и авиацией.

Решение автора предыдущего рассказа отходить на юг спасло жизнь и ему, и многим бойцам его батальона. Хотя они по-прежнему оставались в окружении, кольцо немецких войск южнее города было в тот момент менее плотным, что давало шанс прорваться, двигаясь по лесам и болотам. Что, в итоге, и удалось рассказчику. Но уже через сутки район, прилегающий к дорогам Вязьма – Юхнов и Вязьма – Калуга, станет ареной кровопролитных боёв. Сюда отойдут от Семлева войска 20-й и частично 24-й армий, и немцы бросят крупные силы, загораживая дорогу.

О дальнейших боях подразделений 29-й дивизии после выхода их к Вязьме достоверных сведений найти не удалось. Ни в одном опубликованном боевом приказе командования, ни на одной карте или схеме 29-я (или 7-я) дивизия не упоминается, да и не могла она упоминаться, поскольку ни командира, ни штаба дивизии, ни боевого знамени дивизии вместе с бойцами, вышедшими к Вязьме, не было. Права на имя (номер) дивизии остались за полком, ушедшим на Спас-Деменск.

После неудачных атак на город, командиры полков убедились в невозможности выполнения приказа на движение к Юхнову. В этих условиях естественным являлось решение связаться с вышестоящим командованием. Поскольку штаб дивизии был где-то далеко на юге и связи с ним не было, таким командованием являлся штаб 32-й А, который до описываемых событий находился в с. Беломир вблизи Старой Смоленской дороги в 2 км западнее с. Семлево, которое бойцы прошли накануне. Логично было послать туда офицера связи, а до тех пор занять оборону на месте, т.е. вдоль шоссе, по которому полки подошли к Вязьме, и откуда ожидали новых атак немцев.

К этому времени приказом Ставки войска 32-й армии были подчинены командующему 19А генерал-лейтенанту М.Ф.Лукину, то есть армия юридически прекратила свое существование. Из 4-х дивизий 32-й армии в котле с. з. Вязьмы оказалась полнокровная 2-я сд (2-я ДНО) и сильно потрепанная 140-я сд (13-я ДНО). В котле собрались три командира: зам. комфронта И.В.Болдин с подчиненной ему группой дивизий, командарм-19 М.Ф.Лукин и С.В.Вишневский, формально оставшийся теперь без должности, но не без дела. За ним собирались прислать самолет, но он отказался в критической ситуации покинуть свои войска. Кто из них распоряжался полками 29-й сд неизвестно. Скорее всего, это был все-таки генерал-майор С.В.Вишневский не только в силу прежней подчиненности, но и в силу того, что по поручению Лукина он отвечал за южный фланг окруженной группировки. Возможно, бауманцы оказались включенными в какое-то подразделение командиром, старшим по званию (не следует забывать, что в дивизии полками командовали майоры), но об этом нигде не упомянуто. В оперативной сводке штаба Западного фронта за 9 октября 1941 г сказано:

……..

> Седьмое. 32-я армия. По донесению командарма19 части армии, взаимодействуя с частями 19-й армии и группой Болдина, также организуют выход из окружения. 2 сд, оставив прикрытие на вост. берегу р. Днепр, отошла на сев.-вост. берег р. Вязьма с задачей прикрыть выход частей 19-й армии и группы Болдина из окружения. 140 сд передана в состав группы Болдина. Сведений об остальных частях армии не имеется.[21]

Несомненно, бойцы получили приказ удерживать занимаемые позиции, а не прорываться к Юхнову, как было приказано ранее. В отличие от них ушла на юг и там прорвалась к своим, отрезанная от основных сил часть 50-й сд, переданной еще 5 октября в состав заново формируемой 16-й армии К.К.Рокоссовского.

В приведенной выше цитате А.М.Гольдман рассказывает, что после неудачных атак на Вязьму (т.е. с 7 октября) бауманцы «оседлали» шесть километров магистрали

[21] Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). — М.: ТЕРРА, Р89 1997. — 464 с: ил.

Минск-Москва и на шесть дней парализовали движение немцев на Москву. Эта фраза требует комментария. Если отбросить героический пафос, потому как трудно парализовать движение противника, находясь у него за спиной, сказанное означает, что бауманцы контролировали участок автострады от восточного края котла на 6 км вглубь. Немцам в тот момент данный кусок автострады был не так уж нужен, поскольку их первостепенной задачей было уничтожение окруженных войск, а для движения на Москву они могли использовать участок от Вязьмы до Гжатска, находившийся в их руках. Кроме того в их руках находилось Варшавское шоссе, по которому они, преодолевая отчаянное сопротивление подольских курсантов, медленно двигались к Малоярославцу.

Немцы занимали позиции на западной окраине Вязьмы, а советские войска у моста через р. Вязьма, южнее Относово. Расстояние между противниками составляло порядка 2 км, и вплоть до 12 октября серьезных боев здесь не описано. Шести километровый участок шоссе включал в себя отметку 242 км, где ныне установлен памятник. Сама автострада являлась южной границей котла, т.к. далее, за линией железной дороги начиналась полоса ответственности 20А, но советских войск там не было (они пробивались южнее). Немцы же действовали здесь только разведывательными отрядами, опасаясь оказаться между двух огней.

Отметим, что полоса обороны в 6 км для двух полков – это мало. Может на автостраде стоял только один полк? Тогда, куда девался второй? Или после неоднократных безуспешных ночных атак на город в полках осталась только половина состава?

10. В котле (7 - 12 октября)

В ходе отступления советских войск к Вязьме, которое началось осуществляться лишь во второй половине дня 6 октября, сложились три основные оперативные группировки войск Красной Армии. Севернее железной дороги Минск-Москва в окружении оказались части 19, 32 армий и группы Болдина, а также частично 30 и 49 армий; южнее в треугольнике Ярцево-Вязьма-Ельня оказались части 16, 20, 24, 43 армий; в болотистом районе между станцией Угра и Варшавским шоссе оказались части 24, 43 и 33 армий. В последней группе оказались воины 1294-го (19-го) полка, о судьбе которых было рассказано выше.

Задачей окруженных западнее Вязьмы войск являлось не удержание территории (в том числе участка магистрали Минск-Москва), а выход на новый рубеж обороны. Таким рубежом первоначально был назван Ржевско-Вяземский рубеж, а затем, вследствие захвата его противником, Можайский рубеж. Из-за недооценки блокирующих сил противника первоначально надеялись прорвать кольцо с ходу, двигаясь в колоннах. За это Лукина впоследствии критиковали, но в то время не только он, но и штаб фронта были убеждены, что дорогу загораживают лишь отдельные разрозненные группировки противника, о чем командарму неоднократно радировали. Основанием к такому заблуждению являлось то обстоятельство, что наружный (т.е. обращенный к Москве) фронт окружения действительно был неплотным. У немцев не хватало войск на все направления. Если бы у Ставки в тот момент в районе Москвы имелось хоть сколько-то войск, вполне можно было ударом извне деблокировать окруженных. Но войск таких не было!

Из ранее сказанного следует, что с высокой степенью вероятности бойцы двух полков 29-й сд оказалась в основном (северном) котле западнее Вязьмы и заняли позиции западнее с. Относово, вблизи автомагистрали. Это был юго-восточный фронт «котла». Дальше на юг шла как бы ничья земля. Знали, что там, за железной дорогой, отходят на восток части 20-й и 24-й армий, но связи с ними не было. После 7 октября не было в этом районе и серьезных боев. Попыток прорыва вдоль шоссе через Вязьму наши войска больше не делали, справедливо полагая, что у немцев здесь сосредоточены крупные силы, а

сами немцы ограничивались артиллерийскими и авиационными ударами и эпизодическими действиями разведывательных подразделений.

Ни 9, ни 10 октября противник никаких решительных действий против окруженных частей северной группы не предпринимал. Но в результате отвода 2-й сд с рубежа Днепра на рубеж реки Вязьма кольцо окружения сузилось до 15-20 км в направлении с запада на восток и 20-25 км с севера на юг. Все это пространство было заполнено советской пехотой, артиллерией и автотранспортом.

7-13 октября самые трагические и кровавые дни вяземских боев. Дороги, запруженные людьми, повозками, техникой. Беспрестанные налеты немецкой авиации и артиллерийский огонь – одно спасение – скрываться в лесах, но и там была смерть, полная неясность куда идти, где наши, где немцы. Фронт и тыл перемешались в этом "котле". Смертельно измученные боями, почти не имея боеприпасов, горючего и продовольствия, окруженные части еще пытались вырваться из немецких тисков. Ночь с 8 на 9 октября и всю первую половину дня 9 октября шел назойливый осенний дождь. Дороги раскисли, автомашины с трудом вылезали из грязи.

Ещё 8 октября штаб 19-й армии принял радиограмму Ставки за подписью Верховного Главнокомандующего: "*Из-за неприхода окруженных войск к Москве, Москву защищать некем и нечем. Повторяю: некем и нечем*". Вечером 10 октября в штабе 19-й армии состоялось совещание командиров дивизий, на котором обсуждались два варианта возможных решений. Первый — остаться в занимаемом районе, организовать круговую оборону и надолго приковать к себе крупные силы врага. Тогда можно было бы выиграть время, что позволило бы Верховному главнокомандованию организовать на Можайской линии или где-то вблизи ее активную оборону. Для такого способа действий 19-я армия нуждалась в боеприпасах, горючем, медикаментах, продовольствии и вывозе раненых. Это требовало транспортной авиации. А она в то время у нас отсутствовала. Без помощи извне армия продержаться в окружении долго не могла.

Второй вариант, на котором категорически настаивала Ставка — прорвать кольцо окружения неприятельских войск и отходить на восток. Но такое решение являлось уже запоздалым и имело мало шансов на успех. 8, 9 и 10 октября войска 19-й армии и группа И. В. Болдина в бесплодных попытках прорыва понесли значительные потери. В трех танковых бригадах оставалось два танка — один КВ и один Т-26. Горючее было на исходе. На гвардейские минометные части (“катюши”) оставался один залп. Армия не располагала защитой от ударов с воздуха. Два отдельных зенитных артиллерийских дивизиона не могли справиться с задачей. Наши истребители храбро сражались в воздухе, но уступали численному превосходству врага. Даже в случае успешного прорыва армия, подвергаясь ударам танков и авиации противника, вряд ли смогла бы организованно отойти на 100—120 километров к Можайску.

Радиограмма Ставки и само развитие событий – на исходе были горючее, боеприпасы и продовольствие – обязывали к активным действиям. Тогда же была, наконец, установлена временная радиосвязь с командармом-20 Ф.А.Ершаковым, который сообщил, что намерен прорываться на восток вдоль Минского шоссе южнее Вязьмы. К этому времени расстояние между главными силами двух группировок составляло примерно 10 – 12 км.

В этих условиях М.Ф.Лукин отдает приказ на прорыв всей окруженной группировки 11 октября на восток в направлении Гжатска. Учитывая предыдущие неудачные попытки прорваться, надо было выбрать наиболее слабое место в боевом порядке противника. Прорываться решили у с. Богородицкое, где находился стык между 6-й и 7-й танковыми дивизиями врага, на участке шириной примерно 7 км. Атаку Лукин назначил на 16 часов 11 октября с расчетом выводить войска через пробитый коридор уже под покровом ночи. Районом последующего сосредоточения была указана местность в 25 км западнее Гжатска и в 45 – 55 км от места прорыва. В боевом приказе на прорыв[22] поставлены зада-

[22] Приказ опубликован Л.Н.Лопуховским [2], (с. 630-631).

чи всем соединениям, находившимся в его подчинении. Подразделения 29-й дивизии в приказе не упомянуты. Нет сведений и о том, что бауманцы были направлены на усиление какой-то дивизии.

Окруженные испытывали недостаток в материальном снабжении, но не в людях. Два лишних полка, да ещё понесшие потери в бесплодных ночных атаках, и, к тому же, дислоцированные в стороне от основного направления движения колонн (в обход Вязьмы с севера), могли и не заинтересовать командующего 19А. Его задача вывести кадровые войска, а ополченцев вполне можно оставить там, где они заняли позиции. Пусть прикрывают с юга проходящие колонны, а уже потом выходят сами. Логично предположить, что Лукин, поставивший 11 октября в прикрытие с запада полк 2-й ополченческой дивизии, от удара с юга прикрылся ставшими «бесхозными» бауманскими ополченцами.

Для прорыва армия строилась в два эшелона: в первом эшелоне – пять и во втором – одна стрелковые дивизии. Кавалерийская дивизия предназначалась для развития прорыва. Две стрелковые дивизии, в т.ч. 140-ю сд (13-ю ДНО), сильно потрёпанную на Днепре, командующий оставил в своем резерве. В центре боевого построения была поставлена 2-я сд (2-я ДНО), которая до этого, отходя с днепровских позиций, прикрывала войска с запада. В серьёзных боях дивизия ещё не участвовала и потому почти полностью сохранила численность и материальную часть.

Сейчас трудно комментировать это решение Лукина: то ли в тот момент 2-я дивизия являлась наиболее полнокровной и боеспособной среди войск окруженной группировки, то ли он поручил трудную, смертельно опасную работу по прорыву обороны врага «чужим», только что переданным из 32-й А ополченцам, сохраняя «свои» кадровые войска. Однако части 2-й дивизии пришлось быстро, почти бегом, перебрасывать с западного края «котла» на восточный, оставив при этом один из 3-х полков на старом рубеже для прикрытия с тыла. Выходит, 2-я дивизия должна была одновременно и тыл держать и фронт прорывать. В послевоенных мемуарах и М.Ф.Лукина, и командира 2-й сд В.Р.Вашкевича упоминается жесткий разговор между ними, произошедший 11 октября. Правда, оба генерала пишут, что разногласия касались лишь времени начала атаки. [23]

Генерал-лейтенант М.Ф.Лукин, установил очередность выхода из окружения частей и подразделений; армейские штабы должны были эвакуироваться ночью. В радиограммах командующему фронтом Коневу и начальнику Генерального штаба Шапошникову Лукин сообщал о месте и времени операции по прорыву и просил об авиационной поддержке в полосе главного удара. Помощь эта, однако, так и не пришла. Вся тяжелая техника и большая часть автотранспорта были уничтожены во избежание попадания к врагу, В лесных массивах специальные группы устраивали тайники для захоронения ценного военного имущества, документации штабов, излишков вооружения и амуниции.

В.Р.Вашкевич составил довольно подробное описание действий бойцов 2-й сд во время боя и после прорыва немецкой обороны, но он нигде не пишет, что его войска были усилены бауманцами. В то же время по косвенным данным можно предположить, что именно через этот прорыв вышел политотдел 29-й дивизии во главе с комиссаром П.М.Лукиным. Если эта версия верна, то очевидно, существовала какая-то связь между двумя дивизиями, ранее принадлежавшими к одной армии.

В назначенный срок из района деревни Аношино, полностью исчерпав запас снарядов, дал последний залп по врагу дивизион реактивных минометов – "катюш". Артилле-

---

[23] В статье «В Вяземской операции» (Военно-исторический журнал. 1981. №9) М.Ф. Лукин написал: «*Связавшись по радио с Ф.А. Ершаковым, мы договорились о совместных действиях по выходу из окружения. Я информировал его о том, что буду прорывать кольцо севернее Вязьмы силами двух дивизий 32-й армии. Но одну из них командующий Резервным фронтом маршал С.М. Буденный отозвал, а вторая под ударами обходящего противника была рассеяна*». Описанный разговор имел место 7 или 8 октября, а дивизии, очевидно, 8-я и 29-я. Сказанное позволяет предположить, что генерал уже тогда предполагал использовать в операциях, где неизбежны большие потери, переданные ему Ставкой ополченческие дивизии.

рийские расчеты подорвали машины с пусковыми установками и пешим порядком двинулись на соединение с основной массой войск. На главном направлении выделенные подразделения, опрокинув вражеские заслоны у деревни Богородицкое, захватили деревню Пекарево, образовав коридор шириной порядка 3 км, который насквозь простреливался артиллерийским и пулеметным огнем. Передовые дивизии (2-я и 91-я) вышли из окружения, но потери были столь велики (до 90%), что они фактически перестали существовать. 19 тысяч воинов полегло около этого села.

С наступлением темноты, а она в октябре приходит рано, обеспечить слаженный выход частей и подразделений не удалось. В прорыв хлынули тыловые, а не боевые части. Обескровленные заслоны с трудом сдерживали пытавшихся вновь замкнуть кольцо окружения немцев. Немецкое командование быстро разобралось в обстановке и, осветив коридор тысячами ракет, обрушило на него чудовищной силы артиллерийско-минометный удар. Одновременно пошли в атаку танки и пехота. Около двадцати двух часов 11 октября кольцо окружения вновь сомкнулось. На обочинах и в кюветах стояли остовы сожженных грузовиков и штабных легковушек, иные машины были совсем целые, брошенные шоферами – отсутствие топлива сделало их мертвым железом. Груды испорченного и просто брошенного военного снаряжения, боеприпасов и оружия, неубранные тела убитых.

Из схемы, опубликованной Л.Н.Лопуховским,[24] следует, что правый (т.е. южный) фланг прорыва 11 октября обеспечивали 166, 89 и 244 сд. Но южнее, ближе к автостраде, какие-то части вели отвлекающие атаки. Участвовали ли бауманцы в этих атаках, неизвестно. Во всяком случае, в приведенных ранее воспоминаниях В.Я.Переладова указывается, что бауманцы вели бои в котле до 12 октября, т.е. и после того, как немцы вновь сомкнули кольцо окружения.

> Особенно напряженные бои бауманцы вели с 7 по 12 октября сорок первого. Но самый страшный день – 10 октября. Немцы обрушили на наши позиции сильнейший артиллерийско-минометный огонь. Над нашими позициями стоял сплошной оглушительный грохот. Не раз крупнокалиберные снаряды разрывались так близко от наших пушек, что их переворачивало вверх колесами. Я хорошо понимал, что этот шквал огня с минуты на минуту окончится, и в атаку пойдут танки». Наконец, все стихло. Обугленная выгоревшая трава... Земля изрыта воронками... Маскировка переднего края начисто уничтожена! И такая звенящая, «ненастоящая» тишина.

Место, где происходили описываемые события не указано. Если дата – 10 октября – автором названа правильно, то никакой атаки за этим артналетом не последовало. На автостраде до 12 октября 1941 г. (вот откуда 6 дней!) немцы здесь практически не атаковали. Но, понимая, что русские собирают войска в кулак для решительного прорыва, они неоднократно наносили по окруженным сильные артиллерийские и авиационные удары. Только после отхода прикрытия (одного из полков 2-й сд) немецкая 87-я пехотная дивизия начала движение с запада вдоль автострады к Вязьме.

Из оперсводки 9-й армии противника:

> «11.10 …Перед 87-й пд позиции по обе стороны автострады оказались не заняты врагом. …Но уже на следующий день полки 28, 8 и 87-й пехотных дивизий натолкнулись на сильное сопротивление сжатых теперь в узком кольце русских…[25].

Из другого документа:

> “12.10. [время] 4$^{\underline{25}}$. Перед 87-й пд противника нет ни на автостраде, ни севернее нее. 17$^{\underline{30}}$ 87-й пд своим правым флангом наступает в северном направлении в районе автодорожного моста через р. Вязьма между Лисцово и Грязное, удерживаемого противником».[26]

Здесь полезно взглянуть на карту. Река Вязьма пересекает шоссе с юга на север у с. Относово, а затем круто поворачивает на запад и течет вдоль шоссе. Похоже, что бау-

---

[24] [2], Схема 13.

[25] Отчет о боевых действиях 8-го армейского корпуса. Цитируется по [2], с. 484

[26] Цитируется по [2], с. 485. Указанных населенных пунктов на современных картах нет. В советских источниках они нигде не упоминаются. Однако известно, что немцы за неимением лучшего, часто пользовались картами 1911г. Может быть тогда эти селения были?

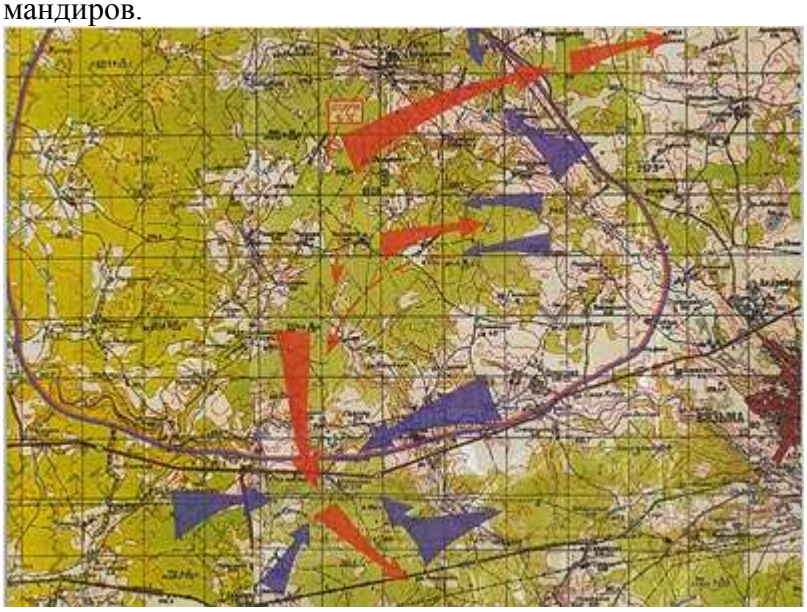
манцы (если это были они) на фронте в несколько километров заранее отошли с автострады на север за реку, чтобы прикрывать группировку прорыва, используя речную преграду. Более того, в случае успеха прорыва, войскам, чтобы догнать уходящих, не нужно было пересекать реку. Но у с. Относово оборона моста приобретала принципиальное значение, т.к. здесь немцы могли перейти на правый берег, и выйти в тыл нашим войскам. В итоге немцам удалось пробиться вдоль шоссе к Вязьме, оттеснив бауманцев к северу, но закрепиться на шоссе они не смогли и на следующий день контролировали автостраду только огнем.

12 октября Лукин отдал приказ на новую попытку прорыва, на этот раз – силами 152 стрелковой дивизии полковника Кочеткова, усиленной мобильным кавалерийским полком. Удар наносился с рубежа Аношино-Нарышево в направлении Гжатска. Пехота противника отступила под ударом, но встречная контратака немецкой танковой дивизии опрокинула боевые порядки.

В ночь на 13 октября в Шутово Лукин собрал последнее заседание Военного совета окруженной группировки. После обсуждения сложившейся обстановки было принято решение: двумя группами выводить войска в южном направлении на соединение с 20-й армией. При этом войскам предстояло последовательно преодолеть автостраду, реку Вязьма, железную дорогу и старый смоленский тракт, на который уже вышли части 23-й пд противника. Командование окруженной группировки не предполагало, что к этому времени ни 20-й, ни 24-й армий уже не существовало. Отдельные подразделения пытались переходить линию фронта в районе Гжатска, а некоторые боевые группы продолжали вести безнадежные ожесточенные бои с многократно превосходящими силами противника в местах прежней дислокации.

Было приказано все артиллерийские орудия взорвать, автомашины сжечь, прочие материальные ценности укрыть в тайниках, имеющийся запас продовольствия и боеприпасов распределить по частям; командирам и комиссарам поддерживать в войсках дисциплину, не допускать паники, случаев срыва с себя знаков различия и переодевания в гражданскую одежду.

Утром 13 октября две группы войск – одна, возглавляемая генерал-лейтенантом Лукиным, другая – во главе с генерал-лейтенантом Болдиным – двинулись на юг, в направлении Минского шоссе. Общей целью было соединение с 20-й армией Ершакова в районе железнодорожной станции Семлево. Известны два основных маршрута – левый, восточнее Относово, где частям предстояло пересечь автостраду, а затем р. Вязьма, и правый, в районе д. Чепчугово (около 242 км!), где те же преграды нужно было преодолеть в обратном порядке. Части продвигались в основном пешим порядком под командой своих командиров.



основные направления прорыва частей 19 армии

Из подразделений, входивших в левую колонну, известно о 45-й кав. дивизии и 166-й сд, замыкавшей движение. Командиры этих дивизий выжили и впоследствии написали воспоминания. Но, безусловно, прорывались там и другие части. Они с боем пересекли автостраду и, преодолев р. Вязьма, двинулись на юг и юго-восток. Немцы встретили русских на рубеже железной дороги организованным минометным и пулеметным огнем.

Из воспоминаний командира 45-й кав. дивизии генерала А.Т. Стученко[27]:

> …тут со стороны Вязьмы появились вражеские танки. Под их огнем кавалеристы пересекли шоссе, но в кустарнике по другую сторону попали под сильный огонь минометов и артиллерии. В роще скопилось много людей из других частей, так как дорогу на юг преграждала река Вязьма. Еще больше здесь было раненых, которых не смогли эвакуировать по автостраде в связи с захватом немцами города. Когда части переправились через реку и двинулись на юг, раненые остались на её северном берегу. С ним остались, за редким исключением, врачи и санитары медсанбатов и госпиталей. Они до сих пор числятся пропавшими без вести.

Прорвавшимся бойцам вместо соединения с частями 20-й армии предстоял еще длинный путь по немецким тылам. Смертельно измученные боями, почти не имея боеприпасов, горючего и продовольствия, окруженные части пытались вырваться из немецких тисков. Вот, что писал А. Т. Стученко о следах боев в районе деревень Стогово, Покров, Селиваново:

> Развороченная земля, усеянная трупами наших и немцев. Здесь же исковерканные повозки, орудия, машины. Раненые лошади, с низко опущенными головами, бродят по мертвому полю. А вокруг зловещая тишина. Уцелевшие группы бойцов и командиров уже ушли, чтобы пробиться к своим.

Основная часть окруженных пыталась пробиться на юг, преодолевая автостраду вблизи деревень Чепчугово и Степаньково (там, где стоит сейчас памятник Бауманцам). Вероятно, здесь были и бойцы Бауманской дивизии. С трудом, ценой больших жертв, группы пересекли Минскую автомагистраль, и двинулась на юго-восток, обходя Вязьму с юга. Немецкое командование быстро стянуло мобильные мотомеханизированные и танковые части и организовало встречную контратаку, но не смогло сдержать последнего отчаянного натиска советских солдат.

При преодолении автострады, которую противник контролировал главным образом огнем, установленный порядок движения колонн был нарушен. Какое-либо централизованное управление частями и подразделениями было окончательно утрачено. С этого момента 19А как оперативное объединение перестала существовать. Части, выходившие в район к югу от Вязьмы, не имели тяжелого оружия и боеприпасов. После стычек с немцами они стихийно разбивались на отдельные, не связанные между собой группы и отряды, чтобы ночами пробиваться на восток.

Штаб 19-й армии, сколотив отряд в 600 человек, взял радиостанцию и в полночь 13 октября двинулся на юг. Есть свидетельства что, генерал М.Ф.Лукин автостраду преодолел на танке. За это впоследствии его иногда упрекали, обвиняя, что он якобы бросил свои войска. Но не следует забывать, что у генерала ещё со времени Смоленского сражения была повреждена нога, и он передвигался с трудом. 14 октября 1941 г. при выходе из окружения генерал-лейтенант М.Ф. Лукин тяжелораненым попал в плен. Там ему ампутировали правую ногу. Был в лагере Маутхаузен. Освобожден из плена в мае 1945 г.

Таким образом, в ночь с 12 на 13 октября в результате тяжелых и кровопролитных боев значительная часть окруженных смогла прорваться из северной части «котла» в направлении на юг. Однако, там они оставались в окружении теперь уже 4-й армии.

Как только немцы обнаружили отход наших войск в южном направлении, они перешли в наступление на всем фронте «котла», стремясь сорвать их планомерный отход. 13-го октября местность в районе автострады Смоленск-Вязьма была очищена. Советские войска прекратили организованное сопротивление, хотя разрозненные группы продолжали сражаться в тылу у немцев еще как минимум десять дней. Известны примеры самоотверженных действий в тылу врага пробивавшихся из окружения частей, руководимых

[27] цитируется по [2], с. 498

энергичными командирами. Из суточного донесения штаба 4-й немецкой дивизии за 9 октября:

> Командир 5-й советской дивизии (речь идет о 5-й ДНО, она же 113 сд) с несколькими комиссарами и примерно 600 бойцами совершили нападение на строительный отряд люфтваффе в 12 км юго-восточнее Спас-Деменск. Против них двинута 19-я танковая дивизия[28]

Одна из наших пробивающихся на восток частей нанесла ощутимый удар по системе радиоперехвата на Восточном фронте. Согласно донесению штаба 4-й танковой группы от 11 октября:

> радиовзвод Главного командования сухопутных войск и взвод прослушивания эфира понесли ощутимые потери: убиты 3 офицера, 67 солдат и утрачено ценное оборудование[29].

Но, в основном, бойцы пытались выйти из окружения, разбившись на мелкие группы. Вот рассказ о судьбе одного из офицеров 29-й дивизии [16]:

> К исходу первого месяца войны И.Б.Паншин записался в 7-ю Бауманскую дивизию народного ополчения. При ней же закончил школу младших командиров и в начале октября в районе Ельни оказался на фронте. Только-только отгремели здесь ожесточенные бои, притормозившие немецкое наступление на Москву. Переформировки, переброски — последовательность населенных пунктов смешалась в памяти: Дорогобуж, Вязьма, бесчисленные деревушки. По-настоящему повоевать Паншину так и не довелось. Часть была рассеяна, управление не функционировало, связи практически никакой. Где что происходит — малопонятно. Этакое напряженное затишье перед готовящимся немецким натиском. Сплошного фронта нет. В лесах какие-то разрозненные группы красноармейцев, стремящиеся выйти к своим. А кругом немцы. Не то, чтобы окружение, а как-то так, словно они везде. Одну такую группу вел к своим на восток младший командир Паншин…

И.Б.Паншину не удалось выйти к своим, он попал в плен, разделив судьбу многих. Но есть сведения, что отряд бауманцев численностью 700-750 человек пробился через вражескую оборону под Наро-Фоминском и 25 октября соединился с частями 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии.

Вышел из окружения заместитель Конева – И.В.Болдин. Впоследствии он написал мемуары, но о Вязьме в них – ни строчки. Из командующих пяти окруженных армий, выбраться из окружения удалось одному Рокоссовскому. Ракутин погиб при отходе к Семлеву. Ершаков попал в плен при невыясненных обстоятельствах, и погиб в плену, по некоторым сведениям в 1942 году. Вишневский был ранен при выходе из окружения уже после ликвидации немцами котла и попал в плен. Освобожден в 1945 г.

13-14 октября немцы занимались очисткой котла. Они проводили прочесывание местности западнее Вязьмы с целью захвата военнопленных. Картина завершившегося сражения была поистине трагичной. Офицер из штаба 8-го АК передал свои впечатления от увиденного им тогда в отчете, подготовленном для командования соединения. В нем говорится: «...Наступил мороз и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялось имущество, пушки, танки…»
14 октября немцы объявили:

> «Враг, окруженный к западу от Вязьмы полностью уничтожен…С Советским Союзом в военном отношении полностью покончено».

Отдельные подразделения или просто группы советских воинов продолжали попытки вырваться из кольца в различных направлениях, и вплоть до 20 октября немцы не могли высвободить несколько своих дивизий для наступления на Москву. В лесах даже после зачистки, осталось много солдат и офицеров, в том числе раненых. В некоторых населенных пунктах удалось организовать подпольные госпитали, где работали врачи и медперсонал, не бросившие своих раненых. Население снабжало их продуктами и прятало от немцев. Многие окруженцы уходили в партизанские отряды. Так, по сведениям [18], группа бауманцев во главе с комиссаром 1298-го (бывш. 21-го) полка П.Силантьевым отошла в хорошо знакомый район г. Дорогобужа, где влилась в партизанский отряд «Дедушка», который возглавлял ополченец Ленинского района В.Воронченко. Во время зим-

---

[28] [2], с. 402.
[29] [2], с. 404

него контрнаступления Красной Армии в январе-марте 1942 г. партизаны этого и других отрядов оказали действенную поддержку нашим войскам. В Дорогобуже и окрестностях, в тылу немецких армий, на целых 5 месяцев восстановилась Советская власть.

Но большое число солдат оказалось в плену – несколько сотен тысяч человек. Сдавались в основном необстрелянные бойцы, оставшиеся без командиров. В обстановке неопределенности и безысходности – без боеприпасов, продовольствия и связи – многие поддавались панике и сдавались в плен, хотя порой превосходили немцев по численности. Немцы при прочесывании в лесу применяли громкоговорящие установки, обещая окруженным хорошее обращение в плену и, главное, еду. В условиях, когда надо было выбирать: смерть от голода или плен, нередко выбирали второе, не представляя, что это лишь ещё один вид мучительной смерти.

Заключение

В Вяземском «котле» погибли почти все дивизии народного ополчения г. Москвы (июльского формирования). Однако, вопреки нередко высказываемому мнению, они не стали легкой добычей для высокопрофессиональной армии фюрера. Недостаточно обученные, недостаточно оснащенные современным оружием, они стойко отражали атаки противника, сражаясь до последнего патрона. Но и потери были огромны. Пять дивизий были расформированы, это 2-я сд (2-я ДНО), 29-я сд (7-я ДНО), 8-я сд (8-я ДНО), 139-я сд (9-я ДНО) и 140-я сд (13-я ДНО). По словам Л.Н.Лопуховского, архивов этих дивизий в центральном военном архиве нет. В то же время другие ДНО, также потерявшие до 90 % своего состава, номера сохранили.

Формальным поводом к расформированию обычно являлась утрата боевых знамен. Но некоторые дивизии до начала немецкого наступления даже не успели их получить и имели шефские знамена, которые были вручены от имени горкома и райкомов партии г. Москвы. Л.Н.Лопуховский высказал мысль, что были расформированы дивизии, о разгроме которых публично объявили немцы. Здесь интересно проследить даты приказов о расформировании. 2-ю, 139-ю и 140-ю дивизии расформировали одним приказом 27.12.1941 г., 8-ю сд – на месяц раньше, 30 ноября, а вот 29-ю сд уже 11 октября 1941г. Откуда и зачем такая торопливость? Ведь организованные бои в котле продолжались до 13 октября, а части выходили из окружения весь октябрь.

Вторую дивизию, героически прорвавшую кольцо окружения, расформировали из-за её имени. Немцы писали после ее номера *Stalin* по имени района формирования. А дивизия с таким именем не могла быть разгромлена, а потому решили: нет такой и никогда не было! И архива дивизии нет, хорошо, что её командир, генерал В.Р.Вашкевич, вопреки строжайшему приказу, сохранил в личном архиве некоторые документы и свои дневниковые записи. Возможно, и 29-ю дивизию командованию фронта понадобилось срочно предать забвению, слишком много генеральского вранья вокруг неё накопилось: то обещали, что она ударит во фланг противнику у Спас-Деменска, то приказали оседлать Варшавское шоссе у р. Мал. Ворона, наконец, заверили Ставку, что через 2-3 часа она займет Юхнов и закроет дорогу на Малоярославец. И каждый раз её в нужное время в нужном месте почему-то не оказывалось. А тут немцы публично объявили, что уничтожили дивизию. Так списать её поскорее, пока Ставка за неё не спросила. И не создавать архива, как будто и не было дивизии.

Так ГДЕ, КОГДА и КАК погибла 7-я Бауманская дивизия народного ополчения? Дивизия как единый организм перестала существовать 4 октября 1941 г., когда полки её были сняты с позиций на второй линии обороны и направлены по разным маршрутам. Бауманцы оборонялись, атаковали, пробивались через боевые порядки врага на территории от Варшавского шоссе на юге до Вязьмы и Богородского на севере. Подавляющее большинство воевало и погибло безвестно. Многие из тех, кто не погиб, выходили из окружения с боями через леса южнее магистрали Минск-Москва, разбиваясь постепенно

на все более мелкие группы. Но и среди уцелевших в «котле» мало кому суждено было пережить войну. Например, 144-я с.д., куда направили часть бауманцев, вышедших из окружения, уже через 4 месяца во время зимнего контрнаступления Красной армии вновь оказалась в окружении почти на том же самом месте, в лесах южнее Вязьмы, и погибла почти полностью.

Ополченцам первой волны не было суждено остановить врага, более того, им не удалось даже заметно притормозить немецкое наступление. Вопреки официальной парадной версии немцы первый этап операции «Тайфун» провели точно по плану и практически уложились в намеченные сроки. Ополченцы сделали, что смогли, не их вина, что они не смогли сделать невозможное. Немецкие историки потом писали, что для взятия Москвы их войскам не хватило одного батальона. Этот батальон не дошел до Москвы, в том числе и благодаря нашим ополченцам!

Приложение 1

1.Документы Генерального штаба октября 1941 г., в которых упоминается 29-я сд
Источник: Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). — М.: ТЕРРА, Р89 1997. — 464 с: ил.

№ 41

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА О ПРОРЫВЕ ПРОТИВНИКОМ ОБОРОНЫ В ПОЛОСЕ 43-й АРМИИ И МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ЕГО ЛИКВИДАЦИИ

Карта 100 000 2 октября 1941 г.

1. Противник в 6.30 2.10 силою шести пд с танками на всем фронте 43 А перешел в наступление и, прорвав передний край на всем фронте 211 и 53 сд, к 14.00 2.10 вклинился в тактическую глубину на 4—6 км. В 15.00 колонна до 100 танков прорвалась в район Липчаты, Мамоновка — 17 км южнее Шуи, продолжая движение на северо-восток.
2. Атаки противника на Западном фронте отбиты.
3. Для ликвидации прорыва противника на фронте 43-й армии, полагаю, целесообразно снять 2, 8 и 29 сд 32-й армии с занимаемого рубежа, 106 сд и 144 тбр 24-й армии, находящиеся в армейском резерве, и сосредоточить, в районе Барсуки, Бабичи, Хотеевка, Ширково, Каменец с задачей, в соответствии с обстановкой, нанести удар или в направлении Ивановка, Ново-Словени и далее на юг вдоль р. Десна, или Хотеевка, Лежневка и далее вдоль р. Шуйца. 148 тбр и 149 сд наносят удар с юго-востока или юга по обстановке. Объединение действий 2, 8, 29, 106 сд и 144 тбр возложить на командира 32.
4. Перегруппировка при использовании автотранспорта и движении днем потребует 2—2,5 суток. При движении только ночью — 3—3,5 суток.
5. Прошу утвердить предлагаемое мероприятие и обеспечить удар этой группы авиацией Главного Командования.

*С. БУДЕННЫЙ** *КРУГЛОВ***

*АНИСОВ****

2.10.41 г.

' ЦАМО, ф. 219, оп. 178510, д. 29, л. 399. Подлинник.

* Буденный Семен Михайлович — член Ставки ВГК, командующий войсками Резервного фронта с 13 сентября по 8 октября 1941 г., Маршал Советского Союза.
** Круглов Сергей Никифорович — член Военного совета Резервного фронта с 30 июля по 12 октября 1941 г., комиссар госбезопасности 3 ранга.
*** Анисов Андрей Федорович — начальник штаба Резервного фронта с 10 августа по 12 октября 1941 г., генерал-майор.

№ 44

ДОКЛАД ВОЕННОГО СОВЕТА РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В ПОЛОСЕ 43-й И 33-й АРМИЙ И ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЯХ

Карта 100 000 4 октября 1941 г. 03.35

Военный совет Резервного фронта докладывает:

1. Противник в течение 3.10.41 продолжал теснить части 43-й армии на северо-восток и восток. Главный удар противник наносит в двух направлениях:

а) вдоль шоссе Рославль — Юхнов — до трех пехотных и одной танковой дивизий;

б) вдоль железной дороги Рославль — Киров — силою до двух пехотных, одной танковой и до двух моторизованных дивизий.

К исходу 3.10 на направлениях главного удара противник вышел к р. Сноть на фронте Кузьминичи, Ямное — до 100 танков, а на левом фланге,

обойдя фланг 43-й армии, пройдя в стык 17 и 173 сд 33-й армии, вышел в тыл 43-й и 33-й армиям. До 20 танков и неустановленное количество пехоты к 18.30 вышли в Гайдуки.

Мотопехотная дивизия, в период 14.00—15.00, прошла на восток через Ямное, Барсуки. В это же время не менее полка легкой дивизии вышли в район 10—12 км зап. Киров.

В связи с отходом 217 сд Брянского фронта на восток фланг 33-й армии остался открытым. На левый фланг 173 сд 33-й армии вышло до двух пехотных дивизий противника, продвигающихся в направлении Киров. Всего перед фронтом 43-й армии наступает до 9 пехотных, двух танковых и двух моторизованных, из них одна легкая, дивизий.

2. Части 43-й армии в боях с превосходящим противником понесли потери. Части 33-й армии, растянутые на широком фронте, могут только обороняться. К наступлению части не подготовлены. Резервов, которыми можно было бы задержать наступление противника, вышедшего в тыл частям 43-й и 24-й армий, во фронте нет.

3. Военный совет фронта принял решение частями 43-й армии обороняться по р. Снопоть, а частями 33-й армии — на занимаемом рубеже. **Для прикрытия же направления вдоль шоссе на Юхнов 29 сд 32-й армии и один дивизион 533 ап ПТО из района Дорогобуж автотранспортом перебрасываются в район Куземки на рубеж р. Мал. Ворона.**

С. БУДЕННЫЙ *С.КРУГЛОВ*

А. АНИСОВ

4.10.41. 03.35

ЦАМО, ф. 219, оп. 178510, д. 29, л. 429—430. Подлинник.

№ 46

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА О ПЕРЕХОДЕ ЗАПАДНОГО И РЕЗЕРВНОГО ФРОНТОВ К ОБОРОНЕ НА НОВЫХ РУБЕЖАХ И ПЕРЕПОДЧИНЕНИИ 31-й И 32-й АРМИЙ**

№ 002633 Карта 1 000 000 5 октября 1941 г. 22.30

В связи с прорывом фронта 43 и 33 армий, Ставка Верховного Главнокомандования приказала Западному фронту отойти на линию Осташков, Селижарово, Бекетово, Яраев, Хмелевка, ст. Оленино, Воробьи, Булашево и далее вдоль восточного берега р. Днепр до города Дорогобуж, г. Дорогобуж, Ведерники. Отход начинается в ночь с 5 на 6.10.

31 и 32 армии из Резервного фронта переходят в подчинение командующего Западн[ым] фронт [ом].

2. Резервному фронту в составе 24, 43 и 33 армий в ночь с 5 на 6.10 занять линию Ведерники, Хлысты, Митяжково, Шиловка, Лазинки, Городечня, Ключи, Глагольня, Мосальск, Серпейск, Хлуднева, ст. Шахта, Жиздра, все пункты для Резервного фронта включительно.

Штаб фронта — район Малый Ярославец

На указанном во 2-м пункте рубеже Резервному фронту, приведя части в порядок, перейти к упорной обороне, прикрывая основные направления:

а) Юхнов, Медынь, Малый Ярославец, б) Серпейск, Мещовск, Калуга,

в) Сухиничи, Козельск, Белев.

3. Разграничительная линия: а) с Западным фронтом — ст. Пересна, Ведерники, Городок, Бол. Ермаки, Темкино, Шанский Завод, Боровск; все для Западного фронта включительно; б) между Резервным и Брянским фронтом — прежняя.

4. Получение подтвердить и об отданных распоряжениях донести.

ПО ПОРУЧЕНИЮ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КА
Б. ШАПОШНИКОВ

№ 002633

ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 2, л. 432—433. Копия.

№ 47

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК КОМАНДИРАМ 5-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ И 17-й ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ О НАНЕСЕНИИ УДАРА В НАПРАВЛЕНИИ МЕДЫНЬ, ЮХНОВ*

№ 002635 5 октября 1941 г. 23.40

Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. 17-ю танковую бригаду подчинить командиру 5 гвард. стр. дивизии.
2. 5 гвард. стр. дивизию подчинить, впредь до особого распоряжения, Ставке Верховного Главнокомандования.
3. По окончании выгрузки 5 гв. дивизии и 17 танк, бригаде начать движение на Медынь, откуда общими усилиями нанести удар вдоль шоссе в направлении Юхнов, где и войти в связь с войсками Резервного фронта.
4. **Распоряжением командующего Резервным фронтом в район Юхнов с северо-запада выбрасывается 29 стр. дивизия.**
5. Донесения присылать в Генштаб через штаб коменданта Малоярославского УР-а (г. Малоярославец).
6. Получение подтвердить.

ПО ПОРУЧЕНИЮ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КА
Б. ШАПОШНИКОВ

№ 002635

ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 2, л. 436. Копия.

№ 62

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА О ПОЛОЖЕНИИ И БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФРОНТА И ЗАНЯТИИ ОБОРОНЫ НА НОВОМ РУБЕЖЕ

№ 209 Карта 500 000, 100 000 9 октября 1941 г. 20.00

……..

Седьмое. 32-я армия. По донесению командарма 19, части армии, взаимодействуя с частями 19-й армии и группой Болдина, также организуют выход из окружения. 2 сд, оставив прикрытие на вост. берегу р. Днепр, отошла на сев.-вост. берег р. Вязьма с задачей прикрыть выход частей 19-й армии и группы Болдина из окружения. 140 сд передана в состав группы Болдина. **Сведений об остальных частях армии не имеется.**

Приложение 2

Они командовали войсками

Западный фронт

Генерал-лейтенант
Лукин
Михаил Федорович

19 армия

Генерал-лейтенант
Рокоссовский
Константин
Константинович
16 армия

Генерал-лейтенант
Ершаков
Филипп Афанасьевич

20 армия

Резервный фронт

Генерал-майор
Ракутин
Константин Иванович
24 армия

Генерал-майор
Вишневский
Сергей Владимирович
32 армия
(после возвращения из плена)

Генерал-майор
Собенников
Петр Петрович
43 армия

Герман ГОТ, ген.-полк., 3-я ТА

Эрих фон Гёппнер, ген.-полк., 4-я ТА